

UNIVERSITY OF GOTHENBURG
School of Global Studies

Rebellion in Ukraine

- The Ideologies of Novorossiia -

Master thesis in Global Studies
Spring Semester 2019
Author: Jakob Sandberg
Supervisor: Arne Wackenhut
Word Count: 14,952 words

Table of content	1
1. Introduction	4
2. Aim and Research question	5
3. Framing, Delimitation, and Relevance for Global Studies	6
4. Disposition	7
5. Previous Research	8
6. Ethical Considerations	9
7. Theory	9
7:1. General Theoretical Perspectives	9
7:2. Ideology and Discourse	11
8. Method	12
8:1 Research Design and Methodology	12
8:2. Key Figures	13
8:3. Selecting the Material	14
9. Structural Pretext	16
9:1. Cultural History	16
9:2. Economic Hardships	16
9:3. Revolution at the Gates	17
9:4. Russian Spring	18
10. Analysis and Results	19
10:1. Igor Strelkov	20
10:1:2. Appeal	20
10:1:3. Press-Conference	22
10:3:3. Strelkov's Framing	24
10:2. Pavel Gubarev	25
10:2:1. Q&A	25
10:2:2. Article	27
10:2:3. Gubarev's Framing	29
10:3. Aleksey Mozgovoy	30
10:3:1. Interview	30
10:3:2. Appeal	33
10:3:3. Mozgovoy's Framing	35
11. Conclusions	36
11:1. Concluding Remarks	39
References	41
Appendix	46

Acknowledgements

This thesis would not have been possible without assistance from a number of persons who read the manuscript in the process. My supervisor Arne Wackenhut has continuously read and commented upon the thesis in its various stages, and has provided the main guidance. Carl Wilén managed to read the text and give valuable and helpful advices in the midst of family life. Sebastian Svenberg provided for great reading and made important remarks. Fredrik Österblom has commented upon an early version of the script, Viktor Ottosson on a late one, and Elvina Borombaeva has been helpful in checking the translation. A big thanks to Aaron Mannis who corrected my English.

At last but not the least I am greatly indebted firstly to my friend Per Leander, and secondly to the former political refugee Alexey Sakhnin, whom I had the honour to befriend through Per. Alexey is an erudite and charismatic political activist who was granted political asylum in Sweden after the Bolotnaya processes in 2013. Sakhnin was greeted with open arms as a staunch opponent of Putin, but got caught in the gridlock of history and fell out of grace when the Ukrainian crisis unfolded after writing an article together with Per, about the rise of right-wing radicalism inside Ukraine after the revolution. This thesis is dedicated to Alexey.

Abstract

The so-called Ukrainian crisis in 2014 unleashed a new confrontation between Russia and the West. After the Maidan revolution and the annexation of Crimea, a home-grown insurgency started in the east of Ukraine, drawing on a particular mixture of Soviet nostalgia, welfare populism, and Russian nationalism. The rebel movement in the Donbass consisted not just of disparate groups and leaders, but also of disparate political visions, often expressed within the vision of a single rebel leader. The ideology of the insurgents is the subject for this thesis, and the research question is: *How do the rebels frame their struggle in ideological terms?* This entails their manifest as well as their latent ideological positions, and more importantly possible contradictions within the insurgency.

This thesis is an examination of speeches, interviews and texts from three of the most important rebel commanders, and it shows that the rebels draw upon fundamentally contradicting ideological positions such as socialism, internationalism and nationalism. There are two factors that makes this possible; firstly the history of the Russian empire and later the Soviet Union, and secondly the common struggle against the post-revolutionary Ukrainian army.

Notes on names and transliteration

Names of cities, towns and people in Ukraine usually have two versions: one Russian and one Ukrainian. Since this thesis is based solely upon Russian-language material, I apply the Russian names for the sake of simplicity and coherence, with Ukraine's former president Petro Poroshenko as the only exception. The transliteration is a simplified standard English transliteration of Cyrillic.

“I ask you now: should *moral* nature be any more considerate in her cataclysmic revolutions than *physical* nature? Does an *idea* not have just as much right as a law of physics to destroy whatever stands in its way? An event that transforms the whole of moral nature, in other words mankind: does it not have the right to come about through blood? The world-spirit acts through us in the realm of ideas just as, in the physical realm, he acts through floods or volcanoes.“

– *Saint Just in Danton’s death* by George Büchner

1. Introduction

Two decades after Francis Fukuyama had proclaimed the end of history, it returned with a vengeance to the geopolitical scene in Europe with the Ukrainian crisis in 2014. The Ukrainian leadership was toppled in the so-called Euromaidan revolution, Russia seized and annexed the Crimea peninsula, and a bloody conflict erupted in the easternmost regions of the country. In the wake of the crisis, the relationship between Russia and the West deteriorated to levels not seen since the height of the Cold War, and sanctions were imposed on large segments of the Russian leadership.

The low-intensity conflict in the *Donbass* – the Lugansk and Donetsk oblasts – rages on five years later with no end in sight, and the death toll is reaching 13,000 at the time of writing (OHCHR 2019: 6). What started as an armed rebellion in early April 2014 led to a full-scale war in late May, when the newly elected Ukrainian president Petro Poroshenko re-launched the Anti-Terrorist Operation to retake the areas and cities under rebel control (Matveeva 2018: 145). The war continued throughout the summer, until the 6th of September when the Minsk peace treaty was signed, a treaty that barely held ground and eventually broke, which led to new hostilities until the signing of a second treaty, Minsk II, in February 2015 (Sakwa 2016: 278).

The conflict in eastern Ukraine has to a large degree been interpreted through the lens of geopolitics, whereby it is the interests of the superpowers that are determining the conflict (Sakwa 2015; De Ploeg 2017; Charap & Colton 2017). Some have looked upon local factors such as the economic ties to the Russian Federation, most notably Zhukov (2017). Furthermore has the upswing of mainly right-wing radical movements on both sides of the front line been the object of certain studies (Laurelle 2016; Ishchenko 2017). But no one has so far produced a study focusing directly upon the ideology in speeches and utterances made by the rebels themselves, despite the fact that people came in their thousands from Ukraine,

Russia and other parts of the world to join the rebel movement (Matveeva 2018: 97-99). This thesis is an attempt to fill that gap. It is an examination of the political ideas formulated by three of the key rebel leaders of that war in its initial phase, the spring and summer of 2014. It is an attempt to look into the complex of ideas that guided the men who took the leading roles in the struggle for Novorossiia – *New Russia* – in Ukraine.

2. Aim and research question

The aim of this thesis is to understand what ideological forms and contradictions coexist within the rebel movement of eastern Ukraine in the first year of the war. It analyses the ideological motivation of the rebels in the Donbass area by looking at some of the material produced by the rebels themselves. The focus for the research is the ideological forms and contradictions the rebels express. The research question is thus:

How do the rebels frame their struggle in ideological terms?

- *What are the direct (manifest) politico- ideological forms in the speeches and utterances made by the rebels?*
- *What are the indirect (latent) ideological assumptions presupposed by these utterances?*
- *What possible contradictions are there to be found in this material?*

The qualified purpose of this paper is to answer upon the main question in *ideological* terms as opposed to military or global political ones. My initial claim in this essay is therefore that there is a profound ideological element to this conflict within Ukraine, and that this element is possible to disentangle from the politics of superpowers that precedes the conflict. This approach can be particularly founded upon a distinction made by Therborn (2008:1), where he differentiates between three major planes in global space:

This global space comprises three major planes. One is socio-economic, laying out the preconditions for the social and economic orientation of politics – in other words, for Left and Right. Another is cultural, with its prevailing patterns of beliefs and identities and the principal means of communication. The third is geopolitical, providing the power parameters for confrontations between and against states.

With this distinction in mind, the aim of this thesis is to put the first and the second plane in focus for the rebel cause in Ukraine, since the third one has been dominant in the study of the conflict so far.

Furthermore, another purpose of this study is with a provocative statement to take the rebels seriously – meaning both to try to understand them on their own terms, and to disentangle possible contradictions within themselves. The reason that these rebels deserve to be studied is that their motivation tells us something profoundly real about this conflict. The way they frame their goals gives a hint of why it occurred in the first place, and how it could be settled in the future. By looking directly upon the actors in the region, instead of the geopolitical struggle between the “West” and the “East”, their motivation can shed light upon the cause they claim to represent.

3. Framing, Delimitations and Relevance for Global Studies

This thesis covers the period from April 2014 to February 2015, when the second so-called Minsk Agreement was signed, and a Kremlin-loyal leadership had taken its grip on the self-proclaimed republics (Katchanovski 2016: 10-11). The analysis will focus upon the most prominent ideologically motivated leaders when acts of war were still on-going on a large scale; after the last ceasefire in 2015, there has been regular skirmishes but no moving of the front. It should also be stated that this is a thesis about the Donbass conflict; it will thus not be an analysis of the events in Kiev during the Maidan revolution or in Crimea when Russia seized the peninsula, although these two events set the necessary preconditions for the war (Anderson 2015: 21; Sakwa 2016: 148). Nor will the thesis provide an exhaustive response to why this conflict occurred in the first place; it will merely claim that ideology *did* play a causal and vital role, and that the persons expressing this ideology did so with the intention that these ideas would resonate well enough to find support among a critical number of the addressees.

One of the most discussed aspects of the Donbass conflict is the Russian involvement,¹ an issue that deserves to be addressed in at least some detail. The Russian takeover of Crimea in late February and early March 2014 took most of the Western powers

¹ The substance of the Russian involvement is a highly contested topic among scholars, and different actors' interest in the conflict has only served to blur the picture of what is happening on the ground. Wilson (2016) argues that Russian involvement constitutes the primary cause of the conflict, while Robinson (2017) argues that Russia's involvement came late in the conflict. Although I am in no way denying “Russian boots on the ground” early in the conflict, I claim that the rise of the rebel movement in eastern Ukraine has profound internal causes, and that Russia was reacting on rather than directly causing the uprising, basing my statement mainly upon arguments in Robinson (2017).

off guard, and when armed men turned up in the eastern parts of Ukraine a few weeks later, the assumption was made that this was little more than a Russian covert operation blended with local forces (Atlantic Council 2015; Wilson 2016). Although there is clear evidence for Russia's military involvement in the conflict, this can partly be limited to have occurred on a bigger scale in August 2014 when defeat loomed over the disparate rebel forces (Matveeva 2018: 163-166; Kachanovski 2016: 9; Robinson 2017). Though Russia has profound complicity in the self-proclaimed republics as of today, the local support was big enough to be at the very least a necessary precondition for the conflict to erupt. This question has to a certain extent been analysed (Sandberg 2018; Matveeva 2018; Toal 2017; Robinson 2017), but this thesis will nonetheless focus upon the aspect of a political program beyond the quest of state intervention; there is clearly a political dynamic emerging in Donbass that is not reducible to the politics of present day Kremlin.

The Donbass war is to be understood in the context of globalisation, and studying the war in Donbass within the discipline of Global Studies is well motivated, as the conflict has bearing upon both the field of International Relations, and of Peace and Conflict Studies. The war indeed resembles what Mary Kaldor (2012: 1-2) labelled "new wars"; a conflict where the distinction between external and internal, aggression and repression, has been blurred (Ibid: 2). Questions of identity merge with social struggle in a way seen in so many global conflicts (Fjelde 2012). The dynamics of violence a war entails (see Kalyvas 2006) coexists with the shaping and sharpening of identities (see Kaldor 2013: 337), as well as the struggle for material well-being.

4. Disposition

At first, we will give a brief account of previous research made upon the Donbass war, and motivate the need for this research project. Then we will present the theoretical outlines; initially explaining why the general theoretical assumptions that usually have been attributed in framing the conflict has been insufficient, and then providing the theoretical framework that will be utilised in this thesis, namely *Critical Realism*. Furthermore, we discuss why Critical Realism is well suited for studying rebel ideology, and an account of the notion of ideology is presented. A brief outline of the relation between ideology and discourse is included, along with a discussion why Ideology Analysis rather than Discourse Analysis is the method applied in a wider sense. In a stricter sense, the method of choice is Framing Analysis, which is linked to the wider approach stated in the research question about latent

ideologies and ideological contradictions. Then comes a presentation of the actors, and what material will be analysed.

Next comes the analysis itself. Initially a fairly detailed account of Ukraine's recent history is provided; the reason for this is *firstly* to give the reader the general outlines of the conflict, and *secondly* – and more important – this background briefly explains the necessary historical and social structure conditioning the actions of the rebels. Then the rebels are presented one at the time, including speech extracts, summaries and analysis of each rebel. Lastly comes the conclusions, where the general traits of ideology in manifest, latent and contradictory forms is presented against the background provided in the part on history, as well as an attempt to realign the results with previous research made, and providing the outlines for future research projects.

5. Previous Research

There are evidently plenty of studies on the different aspects of the Ukrainian crisis, and the ones presented here are merely a selection. One of the most prominent in this sense is Richard Sakwa's (2016) *Frontline Ukraine: Crisis in the Borderlands*, where an attempt to understand the conflict in its totality is undertaken in an analysis that can be characterised as a mix of influences equally from the structural and the neorealist handbook; as such it pays a great deal of attention towards the geopolitical game. Chris Kaspar De Ploeg (2017) has made an equally good attempt to understand the different aspects of the conflict in his *Ukraine in the crossfire* in studying the influence of far-right radical groups during the Maidan protests and the effect of events like the Odessa massacre and the shootings at the Maidan. Anna Matveeva (2018) has written the most profound account of the Donbass war from within so far, a book that through conversations with some more some less prominent rebels tells the story of an insurgency beyond the geopolitical play of the superpowers. Her book is an invaluable source for anyone trying to understand the internal dynamics that led to the situation we see today.

Besides these books, there are also a number of articles. Marlene Laurelle (2016) has written a study of the Russian nationalist movement called "*The three colors of Novorossiia, or the Russian nationalist mythmaking of the Ukrainian crisis*", where she distinguishes between three ideological paradigms within the Russian nationalist movement; red (Soviet), white (orthodox) and brown (fascist), and traces the movement back to the nationalist circle within Russia, known as the Izborski club. Her work is of great scholarly value, but rather than looking in detail upon utterances made by the rebels, it focuses mostly on the nationalist movement within Russia that provided for great support to the insurgency.

Yury Zhukov (2017) has interpreted the rebellion in terms of economic interests and industrial exports in the article “*Trading hard hats for combat helmets: The economics of rebellion in eastern Ukraine*”, where he uses data gathered from places of fighting and relates the uprising to cities that are prone to experience a greater shock with interrupted trade links with Russia. Taking all of these studies – and many more – into account, we still lack a proper and theoretically coherent study of the ideological ideas and contradictions of the rebel movement derived from an analysis of their own speeches and publications. This thesis is an attempt to fill that gap.

6. Ethical considerations

Since the material to be analysed consists of articles, publications, books and filmed material, the ethical considerations facing an interviewer are more or less absent in my case. But another problem is the fact that this conflict is shrouded in a mist of political interest and disinformation, and one must therefore use caution when asserting the truthfulness of certain statements. This thesis, however, does not so much consider an evaluation of the epistemological truthfulness of certain statements, but looks upon the political discourse of which certain political statements are a part.

7. Theory

7:1. General theoretical perspectives

General theories of International Relations have shown difficulties in providing a framework for understanding the rebels in eastern Ukraine, and the theoretical framework used by any scholar for understanding a conflict like the one in Ukraine is indeed decisive for the way the conflict is perceived. Among the liberal camp, a top-down understanding has been predominant; a malevolent Kremlin leadership has been considered the main cause of the war, and consequently, the rebels are perceived as either mercenaries or fooled by Russian propaganda (Snyder 2018; Wilson 2016). This indicates that the theoretical perspective is indeed actor-centred on the rebel side *as far as the state goes*, whereby the people on the ground are the instrument of the Kremlin’s will; this corresponds to an assumption within the liberal camp of International Relations that war is mainly the result of belligerent leaders (Steans, et al. 2010: 34) The other theoretical school dominated by neo-realists (Mearsheimer 2014; Cohen 2019) has been as the realist theoretical framework indicates state-centred (Steans, et al. 2010: 57), but instead by trying to explain the conflict from a realist perspective and by doing so deciphering the logic of Kremlin’s action – this school tends to be more

apologetic of Russia, and sees the conflict in the light of modern geopolitics. In between them there are a few works that put the blame on both sides, most notably Charap & Colton (2017); this perspective rather reflects the structuralist framework of International Relations (Stears, et al. 2010: 86). But no matter the stance on the conflict, both perspectives suffer from *being either too structure-centred or too state-centred*. The theoretical school mostly resembling the approach accounted for in this thesis is Critical Theory, which indeed recognises the role of both ideology and agency on the international arena (ibid. 107). It does however bear the mark of post-structuralism (Ibid.), a theoretical framework that does not separate between different strata of social reality. In this particular thesis we will therefore utilise the theoretical framework that *Critical Realism* provides, a school of social theory that partly fits within Critical Theory, but also differs from it – especially so regarding the ontological assumptions. Critical realism enables us to allow for a dynamic understanding of the structural preconditions without denying the role of rebel agency, and in order to fully grasp Critical Realism, a more profound presentation is necessary.

Critical Realism is a theoretical perspective that affirms the existence of a world independently of our experience. It differs from empirical realism and positivism in such a way that there is not necessarily a direct link between the observation of a phenomenon and the existence of one (Bryman 2016: 25). There are two main reasons why Critical Realism is applied in this thesis. The first one is the framework it provides in the explanation of the relation between structure and agency, which is termed analytical dualism, meaning that structure and agency can't be reduced to one another (Archer 1995: 165-195). Structure further on, has so-called emergent properties, meaning that they are not reducible to the very persons holding positions within the structure (Ibid. 173), and structure precedes actions *temporarily*; the actions of a particular agent emerges in the context of a structure whose historical existence the agent cannot affect, a structure that conditions but does not determine the action of a particular agent (Ibid. 90). In the case of a conflict such as the one in Ukraine, the general outlines of this theoretical school is especially well suited for constituting the framework of the analysis; the common history and the 340 year long unification of the Russian and Ukrainian states preceding their 23 year long separation provide for deep cultural and structural ties between the two. These particular historical circumstances will be accounted for later on. As for the insurgency, it is here perceived as *agency not determined but conditioned by the historical and social structures preceding it*.

The second reason why this thesis take the point of departure in Critical Realism is that it gives an ontological foundation for ideas that admits their reality and causality; the

basic outlines for such an argument is offered by Roy Bhaskar (1997) in the article *The Ontological Status of Ideas*. According to Bhaskar, ideas are apart of everything, and everything is real (Bhaskar, 1997: 139). This is not to be confused with the fact that ideas cannot be perceived by the senses, or that there is no necessary connection with ideas and their claims of representing the truth (Bhaskar, 1997). Empiricist-oriented scholars usually state that the criterion for reality is the possibility to perceive it with the senses; thereby it is the *perceptual* rather than the *causal* that constitutes reality (Ibid.). The assumption here is that these ideas do have real existence, and that they intervene in the world caustically through agents. The second objection, that the definition of the being or non-being of a particular idea within ontology as being defined by its truthfulness is a conclusion famously called the *epistemic fallacy* (Bhaskar 1997: 140), meaning that the existence of a particular idea shall not be confused with the possible factual accuracy that the idea might express; by doing so one confuses the realm of the ontological and the epistemological.

Ideology is generally perceived in its epistemological sense; i.e. it carries the burden of *false consciousness*. This is also the way Marx and Engels describes ideology (Eagleton 2007; Therborn 1980: 4); ideology is the false perception of the world, the filter that prevents humans to see reality for what it is. This notion of ideology will be defied here; we will instead operate with a *sociological* notion of ideology. Such a notion takes its force from the dialectical relation between ideological structures constituting the foundation for action. Ideology as false consciousness is a reflection of an epistemological and not an ontological notion of ideology. The importance of this is reflected in the way the material will be analysed; it is not the truthfulness of the rebel statements that are of interest, but their very sociological and causal existence. In other words: ideas can constitute causes that entail effects in the observable world, just as phenomenon in the observable world can entail ideas constituting effects.

7:2. Ideology and discourse

The notion of ideology is related to the notion of discourse, just as Ideology Analysis relates to Discourse Analysis. Ideology is narrower than discourse in the sense that it is a set of effects within discourse (Eagleton 2007: 194, 198); i.e. ideology is a way of coping with contradictions within the social sphere. At the same time, ideology allows us to situate the ideas within a reality that is not reducible to discourse; it is thus important to justify some hierarchy here – focusing solely upon discourse and removing ideology would entail a certain post-structuralist ontology, since ideology allows us to “discriminate between those power

struggles that are somehow central to a whole form of social life, and those which are not” (Eagleton 8). Discourse does not clearly differentiate between different strata of social reality, while the concept of ideology can do so. This makes it easier to fit within a realist social theory framework.

Moreover, ideology stands at the centre of societies changing shape. Indeed, as Liedman (1980) writes, “[a] well-founded experience says that when a society [...] gets gripped by a crisis, the contradiction between different outlooks becomes sharp and clear” (Liedman 1980: 89), and Ukraine in 2014 was indeed a society gripped by crisis. This also underlines the factor of action within ideology; they are thought to be “*unifying, action-oriented, rationalizing, legitimating, universalizing and naturalizing*“ (Eagleton 2007: 45). Discourse is of course an integrated part of this, but due to the anti-realist orientation within discourse analysis (Bryman 2016: 531), and the non-discriminating nature of discourse, whereby everything is a matter of power struggles, makes it less suitable to ontological claims of Critical Realism.

8. Method

8.1. Research Design and Methodology

The object to be investigated in this thesis is the ideology expressed by the rebels, and ideology analysis is the method of choice. The more precise method is Framing Analysis (Snow & Benford 1992). The main reason for applying Framing Analysis is that it takes the production of ideas among social actors seriously. “[M]ovement organizations and actors” are seen “as actively engaged in the production and maintenance of meaning for constituents, antagonists and bystanders” (Ibid. 136). Collective action framing firstly points to a social injustice, and secondly addresses the problem by making diagnostic and prognostic attributions (Ibid. 137; Ibid. 1988: 199). But this thesis will be both narrower *and* wider than Framing Analysis in its approach. It will be narrower in the sense that this is an examination of rebel ideology *as such*, not an assessment of its actual resonance among the population (see Ibid. 1988: 198). It will be wider in the sense that Framing Analysis can only answer the research question in *manifest* form, whether as the material produced by the rebels will here be interpreted both in manifest and in latent form (Liedman 1980: 72); the manifest form being the explicit political ideas that are being expressed by the rebels, the latent being the unspoken assumptions of the manifest ideas. As Liedman (1980) writes,

[a]ny society, any class, well any group has their own ‘common sense’, their own unbiased gaze, their own obviously sensible values. [...] It is not until society or a group ends up in open conflict with other societies or groups that an attempt to understand and formulate your own ‘common sense’ becomes an urgent matter (Ibid. 1980:72).

Ideology is always historically situated (Therborn 1980: 32), and the process always relate to particular historical circumstances. Therborn (Ibid. 18) labels the process under which a subject becomes an active agent *interpellation*, and he differs between what he calls three modes of ideological interpellation: what exist, what is good and what is possible. The first mode equals what is real and true, the second what is attractive and enjoyable, and the third what the prosperities of change, and the hopes and fears that come with it might be. I will relate these three categories to three temporalities, whereby each temporality has the ability to hold all three modes of ideological interpellation: the past, the present, and the future. These three can in their turn be separated within short-term and long-term perception; there is a distant past, going back hundreds of years back, and a recent past with the fall of the Soviet Union and an independent Ukraine; there is the direct present struggle against the Ukrainian army, and a deeper struggle against an unjust social system; there is the immediate territorial aims and will to rule over swaths of lands throughout south-eastern Ukraine, and there is the deeper plan to unite with Russia in a new prospering imperial civilisation. Based upon the material selected in this thesis, *there will be a presentation of the interpellation made by each one of the rebels*. Since the research question not only implies manifest ideological forms but also latent ideological assumption, it is important to analyse the ideas expressed by the rebels beyond the way that they themselves frame their issues. Therefore the particular circumstances under which they frame their struggle make it possible for ideological contradictions and changes to coexist within the particular framework the rebels present.

8:2. Key Figures

When trying to grasp a situation with such profound global consequences as the Ukraine Crisis, one of the most important tasks is to look upon the material produced on the ground. Indeed, as Therborn (1980) writes, “[t]he key figures in processes of ideological mobilization are not theoreticians and writers of books, but orators, preachers, journalists, pamphleteers, politicians, and *initiators of bold practical action*” (Therborn 1980: 119, my italics). A number of battalions emerged in the spring of 2014, as well as a number of public figures

claiming to represent the population in South-Eastern Ukraine. Some of these came to prominence beyond a narrow circle of followers; these are the “initiators of bold practical action”, and three of them will be in the focus of this thesis. There are considerable differences in identity, origin, and motivation between the rebels, but all of them were united in a common aim; to create a new society opposed to the post-Maidan government in Ukraine.

A few of the rebels in the early days of the rebellion were far more prominent than others in terms of presenting an ideological vision. These are what I would argue the main ideologists, and it is their speeches that will be in the forefront of this analysis.

This text will study speeches, texts, and sayings made by:

- Igor Girkin – nom de guerre *Strelkov*, initiator of the armed rebellion and the first “defence minister” in “Donetsk People’s Republic”, resigned in 2014.
- Pavel Gubarev, the first “people’s governor” of Donbass, now living in Russia.
- Aleksey Mozgovoy, leader of the *Prizrak* brigade, assassinated in May 2015.

The reason for analysing the speeches of these three persons is that they were in the forefront in engaging the general public for their cause, and they accentuate simultaneously sameness and difference in their political ideas. They were the ones who attracted and engaged people to take up arms, and they either acted in a fairly independent fashion, or they represent a certain personal popularity within the Donbass rebellion. They were not intellectuals providing grand theories far from the battlefield, nor were they plain military commanders with victory over the adversary as the only aim. They were simultaneously pursuers and transformers of the ideas they nourished, or in a more precise but untranslatable Russian term *ideynyie liudi* – idea-driven people (singular: *ideynyi chelovek*) – a term that is central in understanding these characters.

8:3 Selecting the Material

Sources

A wide scope of material will thus be used in the analysis, but the nature of the conflict and the distance in time makes the need for certain caution in selecting the material; these rebels were combatants and not philosophers. This means that their ideological position must be disentangled from their fighting strategies and field command, but also that the statements on what they were fighting for are found among a quite wide arrange of material, such as books,

weekly dispatches, newspapers, and videos on Youtube. The material consists firstly of three videos posted on social media; one of these was also published in written form in the monthly paper *Novorossiya* dispatched by the rebels themselves, the other two are included in transcript form. The *Novorossiya* paper also provides for a Q&A and an article – both made by the same rebel. Lastly there is an interview made by the Russian independent newspaper *Novaya Gazeta*, which provide for an interesting dynamic that differs the interview from the rest of the material. All in all, two text extracts are analysed from each rebel. These texts are to be seen as both the result of and an intervention in the political struggle. This is indeed in line with the Critical Realist ontology that there is a structure that temporarily precedes the actors and their actions, but that these actions are simultaneously an intervention in this very structure (Archer 1995: 157).

Criteria for selection

All the quotes that will be used were publicly available during the set time frame from March 2014 to February 2015, and the criterion for selecting a particular speech or interview is based upon two criteria: firstly that the very content goes beyond a more narrow appeal to military action; and secondly that it is produced *in the area, by the very person at the time* he is still active in the rebellion. There is an important point to be made in relation to the second criterion – the rebels are not just plainly expressing their own ideals; they are claiming to represent millions of people, and therefore their utterances and speeches are to be seen not just as personal conviction, but also as an honest attempt to address the population in south-eastern Ukraine.

By the beginning of 2015, a Kremlin-loyal leadership had been installed. Strelkov was dismissed in August 2014 due to non-compliance with the Kremlin, Gubarev was denied candidacy for parliamentary elections, and Mozgovoy was killed in an ambush in May 2015 – a mere three months after the last peace agreement was signed (Matveeva 2018: 175-179). All material my excerpt is taken from is included in the appendix for the reader to make an independent judgement upon the context and linguistic peculiarities of the original material in Russian. In certain cases a Russian word will be stated in the text within brackets, when to make a particular point, to single out an important notion, or to stress similarities. The excerpts have been shortened as much as possible, but are nonetheless quite lengthy, and contain what I have considered to be the essential ideological content of the original material.

9. Structural Pretext

9:1. Culture and History

Out of the fifteen states that emerged from the downfall of the Soviet Union, the two major inheritors of the Russian empire was Russia and Ukraine, which held a population of 150 and 50 million people respectively (World Bank 2019-05-20). The countries shared a common religious, historical and cultural identity, and besides the fact that Russian and Ukrainian are closely related languages, Russian is also widely spoken in Ukraine (Kolstoe 1995: 170-171). The territory of modern-day Ukraine consists of parts with profoundly different historical background. The western regions around the city of Lvov and Ivano-Frankovsk were taken from Polish and Austro-Hungarian territory and were incorporated into the Ukrainian Socialist republic during and after the Second World War (Kolstoe 1995: 172; Sakwa 2016: 12). The southeast, where major Russophone cities like Kharkov, Donetsk and Odessa are located, were a part of the Russian empire and was incorporated into the Ukrainian Soviet Republic in 1922 (Sakwa 2016: 153), while Crimea was given to Ukraine in 1954 on the 300th anniversary of the Russo-Ukrainian unity (Toal 2017: 202).

Central and Western Ukraine are much less urbanized than the south-east, and the Ukrainian language has always prevailed in the countryside, as opposed to the far more industrialized regions of Kharkov and Donbass, where Russian was the spoken language *par preference* (Katchanovski 2016: 1; Kolstoe 1995: 171; Sakwa 2016: 10) There is also a deep divergence in the historical perception: while the Ukrainian nationalist Stepan Bandera who fought against the Red Army in collaboration with Nazi Germany is considered a hero in the western areas, he is perceived as fascists in the east (Sakwa 2016: 17). Correspondingly, the Soviet legacy is highly esteemed in the eastern regions of the country, where the hero of WWII is the Red Army (Sakwa 2016: 17-18).

9:2. Economic hardships

The Russian president Vladimir Putin stated famously in a speech: “the collapse of the Soviet Union was a major geopolitical disaster of the century.” (Toal 2017: 55-56) While few grieve the political legacy of the Soviet system, the social impact of the downfall of the empire was disastrous, and Ukraine was hit especially hard. From 1989 to 1995, life expectancy shrunk four years from 71 to 67; for men it plunged from 66 to 61 (World Bank 2019-05-20) before returning to the Soviet levels. The GDP has as of 2019 not yet recovered to the levels of the Soviet Union, and Ukraine’s economic performance is on par with the poorest nations of Central Asia (Ibid.). But Putin seemed also to have something else in mind when labelling the

downfall of the Soviet Union a catastrophe – Russians abroad. Just as many other former soviet republics, Ukraine had a large number of ethnic Russians inhabiting her territory. In 1992 eleven million people – 22 per cent of the population – considered themselves to be ethnic Russians (Kolstoe 1995: 170). One survey introduced three different categories, where the middle category Ukrainian-Russian bi-ethnos included around 20 per cent of the population as of 2014 (Pogrebinsky 2015:86). While ethnic Russians always have been in a minority, the use of the Russian language in media and in daily conversations has been on pair with Ukrainian.

The collapse of the Soviet Union and the emergence of an independent Ukrainian state thus shifted the social fault lines, and new ones were created. Besides the divergences mentioned above, there is a conflict about whether Ukraine should align itself with the EU or with the Russian-led Eurasian Custom Union. When analysing the voting patterns in Ukraine, this division cuts through the country literally in half: while the area west of the Dnieper river traditionally has been voting for the nationalist-oriented president candidate, the area east of the Dnepr and the south of the country has usually been voting for a so-called pro-Russian candidate (Petro 2015: 27). The division is not a simple one, however, as it cuts through generations and class differences, but as conflicts sharpen when the state of affairs deteriorates, these fault lines would crack open considerably.

9:3. Revolution at the gates

The upheaval in late 2013/early 2014 in Kiev was not the first one to rock the country; allegations of rigged elections led in late 2004 to mass protests, known as the orange revolution, and Viktor Yushchenko became president. Nine years later the scenario was to be repeated, albeit this time the stakes were a lot higher. President Yanukovich's decision not to sign an association agreement with the European Union in November 2013 initiated large protests in the Ukrainian capital, and an attempt by the elite forces of the police – the *Berkut* – to crack down upon the protests, only served to spark the flames of revolution (Katchanovski 2016: 5). Protests continued throughout the winter of 2014, and between the 18th and the 21st of February, unknown snipers opened fire on the protestors, killing almost a hundred people and sealing the fate of Yanukovich's regime (Toal 2017: 213; Sakwa 2016: 87-88). A week later soldiers without insignia, the famous *little green men*, appeared all over the Crimea in the south-east of the country. Within days they had seized control of the peninsula, and through a referendum that was held on the 16 of March, Crimea was annexed by the Russian

federation (Toal 2017: 214-232). A shocked West univocally condemned the move and imposed the first sanctions on Russia.

What followed in March were protests in larger cities in the south-eastern parts of Ukraine such as Odessa, Kharkov, and Donetsk, where pro- and anti-Maidan demonstrators clashed, the state structures disintegrating, and local strongmen taking matters into their own hands (Matveeva 2018: 94-99), all the while Russian state-TV propaganda fuelled the resentment of the east (Anderson 2015: 21). Fearing a repetition of the scenario in Crimea, the new Ukrainian authorities sent regular army units to the east. Angry mobs seized administrative buildings and Ukraine's Secret Service offices in Kharkov and Donetsk; in the former they were chased away by angry Maidan supporters (Toal 2017: 254-255). But on the 12th of April, Russian former intelligence officer Igor Strelkov together with 52 heavily armed men seized the local administration in the town of Slavyansk deep inside Donetsk oblast, and thus in a highly inflammable environment, Strelkov lit the spark of war that soon would engulf the Donbass (Matveeva 2018: 106).

9:4. Russian Spring

Inspired by the so-called Arab Spring, Russian nationalists on both sides of the Russo-Ukrainian border started to talk about a Russian Spring – the possibility of uniting all land all over the former Soviet Union where Russians were living (Russian world – *Russkiy mir*), and this appeal resonated far within the Russian Federation, from where volunteer fighter joined the rebels in Donbass. (Matveeva 2018: 94-95) The land the rebels claimed they were fighting for goes under the name Novorossiia (*New Russia*), consisting of about half of today's Ukraine,² but they gained foothold mainly in Donbass. When Strelkov's men entered Slavyansk, Kiev declared a so-called Anti-terrorist Operation in the east. The second of May pro- and anti-Maidan activists clashed in the port city of Odessa in the south of Ukraine; the anti-Maidan camp retreated into the local union building, where a fire started to ravage, killing over 40 people. The tragedy sent shock waves throughout Russophone Ukraine, providing fuel for a growing radicalization of the insurgency in the east (Matveeva 2018: 38-39).

A disputed referendum was held in rebel-held Donbass the 11th of May, after which the republics declared independence. Two weeks later, the 25th of May, Ukraine held presidential elections, and the newly elected president Petro Poroshenko launched a full-scale

² Novorossiia comprises the oblasts of Kharkov, Lugansk, Donetsk, Zaporozhe, Krivoj Rog, Dnepropetrovsk, Kherson, Nikolayevsk and Odessa. Historically it was a province in the 18th century (Toal 2017: 200) that consisted of lands conquered from the Turks; it was incorporated into soviet Ukraine in 1922 (Petro 2015: 19).

attack on the rebel-held areas the first of June 2014 (Matveeva 2018:147). The Ukrainian army advanced with the help of volunteer battalions rapidly on the eastern front, recaptured Slavyansk early July, and by mid August the rebels in Donetsk were encircled, holding only a small portion of the border with Russia that served as their supply corridor for weapons and volunteer fighters.

Now the tide turned to their advantage when Russian regular forces entered the stage. An estimated 4,000 soldiers from different army units entered Donbass, supported by Russian artillery and weapons, and pushed back the Ukrainian army considerably. The Russian soldiers that entered Donbass were officially called *vacationers (otpuskniki)* by the rebels themselves and by the Russian state media outlets, claiming that they had joined the rebels by their own will, while graves for young conscripts and soldiers in the special forces appeared all over Russia (Sakwa 2016: 173-174). The immediate Russian intervention led to heavy losses for the Ukrainian army, and subsequently the rebels and Ukraine concluded the so-called Minsk agreement. The agreement barely held ground, and hostilities continued throughout 2014, until a new agreement, known as Minsk II, was signed in February 2015.

10. Analysis and Result

The rebel groups were formed on the spot in the hectic days at the outset of the insurgency. It was incorporated and into the two Russian proxies People's Republics of Donetsk and Lugansk (*Donetskaya i Luganskaya Narodnyie Respubliki* – henceforth called DNR and LNR) after the peace agreements. As the insurgency continued, the rebels engaged mostly in warfare and tactical aims, but they never ceased to lose their greater vision of what they were fighting for, a vision that consists of contradictory elements that co-exists in the sharp state of affairs ruling in Donbass throughout 2014.

Besides Strelkov, Mozgovoy and Gubarev, there were a number of other figures that came to prominence, such as the long time president of DNR Aleksandr Zakharchenko assassinated in August 2018, leader of the *Vostok* battalion Aleksandr Khodakovskiy, Mikhail Tolstykh (nom de guerre *Givi*) leading the *Somali* battalion, Arseniy Pavlov (nom de guerre *Motorola*) leading the *Sparta* battalion, Igor Bezler (nom de guerre *Bes*) and Aleksandr Boroday, the first president of DNR who resigned in 2014. There were also a number of persons taking political positions such as Denis Pushilin, Igor Plotinskiy and others, working more in the role of political technocrats.

10:1. Igor Strelkov

The person who claimed to have started the war was Igor Girkin – nom de guerre *Strelkov*, a Moscow-born former commander of the Russian military secret service, and a fierce nationalist vowing to restore greater Russia. A figure shrouded in mystery; he fought in the Transnistrian war in 1992 as well as in both Chechen wars (Strelkov 2014c) as an officer in the Federal Secret Service, where he allegedly ceased to serve in 2013 (Kachanovski 2016: 8). He became the most prominent rebel commander in the breakaway regions of eastern Ukraine, and the first minister of defence in DNR, claiming command of all rebel forces in the area. He showed up in Crimea just when Russia annexed the peninsula (Toal 2017: 253), he has been accused of involvement in the downing of the Malaysian airliner over eastern Ukraine in July, and he is often seen as a proof of the Russian involvement in the conflict (Johnsson 2016). The opaqueness of his character has fuelled the rumours surrounding him, but in Donbass he earned a reputation as a good fighter holding Slavyansk for a long time until the town was completely encircled by the Ukrainian army (Strelkov 2014c).

10:1:1. Appeal

Strelkov's military briefings are to be found both in the magazine *Novorossiya* and on press conferences found on Youtube; two of these appearances have been selected for this thesis. The first one is an appeal to join the fighting made the 18th of May 2014 (Strelkov 2014a),³ a statement that comes as an attempt to make the male population of Donetsk to join the ranks of the rebels; it consist mainly of a long lamentation – here mostly excluded – on the lack of volunteers joining the militants and the abuse of the situation by criminals using the lack of law enforcement and access to weapons.

Citizens of Donetsk Peoples' Republic, I'm turning to you with the request to rise in protecting your homeland (*rodina*), your homes, your families, your [own] people (*narod*). I'm obliged to ask you to do what one according to all human standards never should be forced to ask. To stand up for your fatherland (*otechestvo*) and your freedom in *Rus*⁴ has always been a honourable cause, an appeal that everyone considering himself to be a man has gladly been responding to since time immemorial. I am nonetheless obliged to tell you the truth right in front of you, to tell you harsh and possibly for your dignity

³ For the Russian original, see appendix 1:1.

⁴ Kievan Rus' was a state encompassing much of what today is central Ukraine and European Russia. It lasted from the 9th to the Mongol invasion in mid 13th century.

humiliating words. [...] We have several times in the preceding month heard the appeal: give us arms, so that we can fight for our freedom, for our right to read and write on [our] native Russian language, for the right to venerate the ancestors – heroes of The Great Patriotic War, and not stooges of Nazi criminals. The appeal was heard, and weapons were obtained. [...] And now the time has come when every donetskian capable of wearing arms and ready to use it against the enemies of his people can come and get it directly into his hands. Get it and stand in the lines of the home guard (*opolchenie*) in order to expel the punitive battalions from the borders of the native soil (*rodnaya zemlya*). But what do we see? All kinds of things, but not herds of volunteers at the gates of our headquarter. [...] Tens and hundreds of people have signed up and are fighting. Tens and hundreds of thousands follows [the events] on television, drinking beer. They are apparently waiting either for the army capable of doing everything for them to cross the border from consanguineous Russia, either they are waiting for enough lunatic volunteers ready to die for their right to live a more worthy life than they have lived for 23 years under the rule of Ukrainian nationalists. [...]

The enemy is demoralised, but yet very strong! He has oligarch sponsors, ready to pay enormous sums for each murder, for each destroyed house, for each crime against the Russian people (*narod*)! To defeat him, we must fight. May those citizens able to hear me and show their devotion to their native soil (*rodnaya zemlya*) and their people (*narod*) come to the home guard's headquarters [...].

Strelkov starts and concludes by addressing what he calls “citizens” of DNR; thus he is appealing to a subject that did not exist a mere six weeks before and is still not recognised by any state. He then asks them to rise up in defence of their homeland, people, families, and homes. The notion of homeland (*rodina*) can here be contrasted against the notion of fatherland (*otechestvo*); thus, Strelkov appeals to protect the local vicinity by standing up for the larger political unity of the fatherland. The distinction shall not be reduced to the use of these particular notions, as *rodina* is continuously used when referring to Russia as well, but is a way of making a distinction in the way the rebels appeal to the local population to take up arms against Kiev's army – by protecting the local vicinity, they are standing up for the greater *Rus'*. The reference of *rodina* reoccurs when Strelkov speaks about expelling the “punitive battalions” from the “native (*rodnaya*) soil”. Further on he refers to the people

(*narod*) that at the same time seems to refer to the local population *and* to Russia in general, a Russia he labels “consanguineous” (*yedinokrovnaya*) so as to underline the band of blood between Donbass and Russia.

Powerful oligarchs, who hold an explicit aim – to murder, destroy and suppress the Russian people – sponsor the punitive battalions of the enemy. Whether Strelkov himself believes in this is yet open to question, but he is indeed making the claim, possibly to provoke the people of Donbass to take up arms. The very claim in itself can hardly be considered truthful – although the argument has been raised that the volunteer battalions on the Ukrainian side are funded by powerful oligarchs (Matveeva 2018: 123), they do not pay to murder for its own sake, but rather to retake control over the area. Nonetheless, it functions as an appeal for people to protect themselves as Russians.

Strelkov frames his case that the actors – men capable of wearing arms – are encouraged to protect their home tract (*rodina*) in the name of the fatherland (*otechestvo*) referred to as Rus'. The direct cause for doing so is to protect the right to a particular linguistic and cultural legacy, namely the right to speak Russian and to venerate the veterans of the Great Patriotic War – that part of the Second World War when Nazi Germany attacked the Soviet Union. There is a threat from the outside – the Ukrainian nationalists – and a threat from the inside – passivity. Strelkov frames his case in nationalism.

10:1:2. Press-Conference

The second video is an appearance on what appears to be a separatist TV-channel in Donetsk, where Strelkov together with Gubarev (who says barely nothing at all) makes a statement, later reproduced in the journal *Novorossiia* (Strelkov 2014b),⁵ from where this extract is taken.

At this for the people of Donetsk People’s Republic very tough time, I am very happy that I am here with you, and that I can together with you protect yours and our native (*rodnaya*) Russia, which as I believe stretches from the borders of the state formation known as Ukraine to the [Russian] Far East. We are fighting precisely for Russia here, and we are at the same time fighting for the right of the people in LNR and DNR so that you for yourselves can choose language, culture and way of life, so that this is not imposed upon you by people for whom your soil and your society only constitutes an object for political

⁵ For the Russian original, see appendix 1:2.

games, and a source for different speculations, people who lies under influence from the outside and practically does not hide this fact [...].

That is, the idea was never to kick the home guard (*opolchentsy*) out of the town... The idea was to cause maximum destruction on the infrastructure while kicking [them] out. To leave people without employment. Without housing... in practice, to solve the issue on the inclination of the population to leave, to the removal of their subsistence even after the end of the fighting.

I assume that the present-day leaders of Ukraine and their army won't settle for less than doing the very same with Donetsk. No one should hold any illusions. Even if we would leave, they won't let the Donetskians live. The so-called united Europe has no need for competition from the industries of Donetsk. They have no need for competition from [its] scientists. The only thing needed is the territory, from which they plan to take some labour force in the hundreds of thousands or possibly millions, to be used in Europe. This is what they want at the very most. They are trying to obliterate the industries of Donbass, which firstly constitutes serious competition against the European industries, and secondly is working fully for the Russian defence. This is exactly how it is [...].

Once again Strelkov is addressing the *citizens* of DNR, but this time the dissatisfaction with the low amount of volunteers joining the rebel's ranks is completely gone; instead one recognises the two-folded aim with the fighting: to protect – i.e. recreate – Russia, and to once again fight for the Donbass population's right to choose language and culture. Strelkov evidently does not give Ukraine any status other than being a part of Russia. But he readily admits that the fight for Russia is a fight for the local area – the local identity and the local needs are to be sheltered under the umbrella of Russia, whereby the right to “choose language and way of life” is protected.

In the last part of the speech, Strelkov frames for the first time his case in social terms. The Ukrainian army not only wants to retake Donbass, it wants to obliterate the area in order to shatter the population and bring about a major labour reserve force for the state. By doing so, they'll manage to cut a chain of production for the Russian military industries. The aim of the Ukrainian army is here rather to destroy industrial infrastructure than to inflict harm on Russians. Strelkov's framing contains one conspiratorial and one socio-structural part – while he sees the Ukrainian assault on Donbass to be an active attempt to disrupt the industry and shatter the population rather than an attempt of reinstating governmental control,

he also argues that in a Ukraine entering the European Union, there is little place for the Soviet industries or the engineers of the Donbass. Here Strelkov presents a Marxist framing in capitalists' need of cheap labour and labour reserves. But when evaluating the framing Strelkov is making, one shall be careful in overestimating the structural side to it; the attempt to extract cheap labour is not the result of deeper political and structural changes, but an immediate order given to the Ukrainian army with the destruction of the Donbass industries as the immediate means to free cheap labour as the immediate goal. The conspiratorial side of the social element to his speech thus regulates its structural side.

10:1:3 Strelkov's Framing

Therborn (1980: 18) provides the form for Strelkov's framing. What exists is the People's Republic of Donetsk on the one hand and Ukraine on the other; what is good is Russia (equals *Rus'*), what is possible is liberation from the rule of Ukrainian nationalists. The distant past equals the distant future for Strelkov; reinstating greater Russia, *Rus'*, in what he seems to consider being its natural borders. The greater present struggle is hardly present in his vision; the social fight comes down to a comment about the need of cheap labour. When it comes to the short-term perception, the recent past represented by the Ukrainian state is but a historical mistake that needs to be corrected. The near future is to rule Ukraine, and the direct present is a direct struggle, a historic opportunity not to be missed.

Ideologies of Strelkov

Strelkov's vision is first and foremost imperial, and, the most right-wing of all *ideynyie liudi* in this thesis. In asserting the conclusions on the general ideological ideas that Strelkov presents, one can immediately discern a clear nationalistic vision in his speeches: the main goal is to resurrect the Russian empire. But this manifest idea contains a few latent assumptions – Strelkov does indeed presuppose that the people firstly see themselves primarily as Russians, and that they are ready to take up arms in the fight for their right of being Russians. Secondly, he presumes that the addressees consider modern day Russia to be the best guarder of their interest. Strelkov uses four words when specifying what he means by Russia: homeland (*rodina*), fatherland (*otechestvo*), Russia (*Rossiia*) and Rus (*Rus'*). But the way he uses these notions indicates ambivalence, especially in his use of *rodina*; he seems at first to talk about a foreign element attacking the native Donbass, which later turns out to be the native Russia, which in its turn is supposed to include all of “the state formation known as Ukraine”. In stark opposition to his fellow combatants, he does not mention Novorossiia at

all (although he appeals to the citizens of DNR and LNR), but speaks only about imperial Russia. So the native soil (*rodnaya zemlya*) is thus simultaneously the local vicinity *and* native Russia, including all of modern day Ukraine. Strelkov is partly explicit about this, but he seems to embed the struggle for the local vicinity – a local patriotism of the Donbass area in opposition to fascist Ukraine – in the greater struggle for a newborn Russia. Furthermore, he claims to protect the people of Donbass from “people for whom your soil and your society only constitutes an object for political games, and a source for different speculations”; a quite interesting fact considering his own at least presumably geopolitical goal to restore greater Russia.

10:2. Gubarev

Pavel Gubarev comes from small town just north of Donetsk. He was from an early age a member of different political organisations in Ukraine, such as the fascist-movement Russian National Unity (RNU) and later he became a representative for Progressive Socialist Party of Ukraine in a district council of Donetsk (Gubarev 2016). He quickly became one of the most prominent figures in the Novorossiia movement in early 2014, and was the first “people’s governor” of Donetsk, before being abducted by the Ukrainian Secret Service in April that same year. When he came back in a prison swap two months later, he no longer held the same position, but remained an important public figure in Donbass throughout 2014.

10:2:1 Q&A

A Q&A with Gubarev from unspecified social networks was published in many editions of the journal Novorossiia, and the excerpt below is taken from one published the 11th of June (Gubarev 2014a),⁶ in the height of the war.

Q: Are you acquaintance with [Igor] Strelkov? How close? What can you tell [us] about this person?

A: We met in Slavyansk the day I was liberated. We associated thoroughly only once, and the rest of our contact has been more of operative character. Having gathered my own impressions of him, as well as the opinion of others who know him personally, I can say that Strelok [Strelkov] is an idealist, unmercenary, a true patriot that loves Russia and all things Russian of all his heart. He is a professional warrior that has seen many hot spots where the West has fought

⁶ For the Russian original, see appendix 2:1.

against the Russian world (*russkiy mir*). The span of his thought allows [us] talking about him as our novorossian Garibaldi.⁷ And he is also very humble. I REALLY respect Igor Ivanovich [Strelkov]. [...]

Q: Prokhanov⁸ said on [the TV network] Rossia-24 that in effect the international battalions (*interbrigady*) for fighting fascism are being formed in Donbass in analogy with Spain in 1936. He says that that even Basques are fighting against the junta. Is it true, or just an artistic figure?

A: It is really true. And it is also figuratively true (the beauty and the figurativeness of Prokhanov's speech is close to my heart).

Q: I am a communist. Do you consider me being a communist as your enemy?

A: And I am a patriot-traditionalist, slavofil-narodnik⁹ and a moderate socialist. My enemies are western-oriented liberals. So communists are my allies. Rot front¹⁰. [...]

Q: Pavel, when will help come from Russia? Has Putin really betrayed [Donbass]?

A: Remember one thing: Russians don't leave their own in the lurch. And Putin is a true Russian patriot. [...]

Q: What are the plans for Novorossiya? To join the Russian Federation or to remain an independent state?

A: At first the statehood of Novorossiya needs to take place. We need to strengthen and broaden the area that is under our control. Right now this demands the force of arms and the price of many lives. When we have

⁷ Giuseppe Garibaldi (1807-1882) was an Italian general that made a great contribution to the unification of Italy.

⁸ Aleksandr Prokhanov is a Russian writer, novelist, and the editor-in-chief of *Zavtra* (tomorrow), a right-wing newspaper. He founded the Izborsky Club, and is one of the main figures in nationalist circles in Russia.

⁹ Traditionalist is *pochvennik* in the original Russian, (from *pochva* – soil). The *pochenichestvo*-movement was a conservative, anti-modernist movement in Russia during the 19th century. It was closely related to and possibly a more conservative variant of *slavophilia*, a movement promoting a Russia free from western influence, against the *zapadniki* (pro-westerners). The Narodniks was a revolutionary anarchist movement propagating a type of popular peasant socialism in late 19th century Russia.

¹⁰ Stated *rot front* in the Russian original – German for *red front* – was in theory an association but in practice a paramilitary organisation under the Communist Party in the Weimar Republic.

conquered our independent Novorossiya, then the people will decide what will be, decide in a referendum.

The contradictions are here out in the open. Gubarev apparently sees little problems in being a socialist allied with communists, and at the same time a “patriot-traditionalist, slavofil-narodnik” a representative of anti-modernist and nationalist movements of 19th century Russia. There is here a clear merge between the left movement in a wider sense, and a deep resentment of the west. Gubarev frames in historical references; the first one being the movements just mentioned, but further on he compares the role of Strelkov with that of Garibaldi, who is the main protagonist in uniting all Italian areas into a single state. He endorses Prokhanov’s comparison of the Donbass rebellion with the international battalions fighting fascism in the Spanish civil war, and calls the alliance between his own movement and the communists “rot (red) front” in reference to the red battalion during the Weimar Republic. Nationalism, internationalism and socialism co-exist quite shamelessly in Gubarev’s political universe. But there is also a clear contradiction hinted with Strelkov but shown in broad daylight with Gubarev; the contrast between the ideal Russia as the goal for the struggle, and the very real-existing Russian Federation. This is even more apparent with the fact that the oligarchy that the rebels so vehemently are fighting is prevailing just as much in Russia as in Ukraine. Gubarev is framing his struggle simultaneously within nationalistic, international, historical and social terms that are apparently at odds with one another, not the least since the structure of the protagonist (Russian Federation) and the antagonist (Ukraine) in reality resemble one another in concentration of wealth and oligarchy.

10:2:2 Article

In the period between the first and second Minsk Agreement, Gubarev wrote an article in Novorossiya (Gubarev 2014b),¹¹ where he draws the outlines of the future for the state of Novorossiya.

Novorossiya as a thought, as an idea of a socially fair, socially oriented state, Russian state, an idea full of thought, big thought, a thought of the Russian world (*russkiy mir*), a thought of popular power (*narodovlastie*), a thought of social justice, is a complete project of a state that one can die for [...]. The idea

¹¹ For the Russian original, see appendix 2:2.

of the divided principalities DNR, LNR, ZNR¹² – these are not fulfilled, they are, they are something abnormal. One must never forget about the bigger meaning of Novorossiia [...].

The biggest, most important thought, where we put all our efforts, is the Russian world (*russkiy mir*), which we understand as Russian space, Russian civilisation, peoples' commonality on the basis of Russian culture, language, tradition, and values [...]. The Russian world as the space of a civilisation [...], as an agglomerate encompassing almost a third of a billion people on the planet [...]. This does not only concern the Russian people. This concerns all the ethnical minorities of Russia, whose existence would be questioned without Russia [...]. From a practical point of view, the Russian world means that we here in Novorossiia will try to integrate into the Eurasian Union, the Custom Union, [...], to construct and form close political, economic, and cultural interaction with our brotherly state and our brotherly people.

The next big operative layer is popular power (*narodovlastie*). We are talking about the fact that the people (*narod*) need to achieve real power. And real power means real responsibility [...], and if the people don't turn up as a proper political subject – let's say it straight away – if there is no people, there can be no popular power. Only where there is a people popular power is possible. Where there is no people, where there is only an atomized mass of whatever individual loners, only democracy as a simulation of popular power is possible. [...] [W]here the winner of the elections is the one who pulled the wool over the eyes of ordinary people, who coins the most creative catchwords, who promises more than the rest, who forces people to believe that he brings stability. That manipulation is only possible where there is no people. Where a people appears, and today a people is appearing in the midst of war, there a popular power must appear. [...]

In this particular text, Gubarev frames his struggle slightly more coherently. He provides a hierarchy, where the cultural ties to the Russian world – a civilisation – is the main issue, and the real-existing principalities of DNR and LNR is “something abnormal”. The second issue is popular power, something he does not elaborate much upon, more than stating that it

¹² Referring to *Zaporozhnaia Narodnaya Respublika*, a unity that never existed; Zaporozhe is an industrial mainly Russian-speaking city in the south of Ukraine that never fell under separatist rule.

comes with responsibility. He does however state that “popular” (*narodo-*) requires a people (*narod*), without whom the popular power is impossible. Only where there is a people a popular power is possible. Despite the notion of popular power, the main framework is clearly nationalism, and a people need to be constituted before the popular will can occur. This people is presumably the people of Novorossiia, a brotherly people of Russia that seeks integration into the Russian Federation.

10:2:3 Gubarev’s framing

Let us once again recall Therborn’s interpellation scheme (1980: 18); what exists is DNR and LNR, what is good is the Russian world (*russskiy mir*), and what is possible is Novorossiia. The distant past is imperial Russia in the widest sense of the word, being both historical Russian lands and the Soviet Union. The recent past is independent Ukraine and a shattered Russia. The narrow present is the war; the wider present is the constitution of a people – the people of Novorossiia. Social policies are faintly discernible, but clearly subordinated the national cause in the framing of Gubarev.

Ideologies of Gubarev

The manifest ideology of Gubarev is Russian nationalism, something his admiration of Strelkov bear witness to. His explicit way of framing the struggle is by saying that they are striving to be a part both of the wider Russian world, and of the Russian Federation; there is little distinction between today’s Russian Federation and the idealistic vision of Russia he holds, and he truly expects Putin to come to their rescue. The particular historical circumstances within Russia do shed some light on the flagrant contradictions in Gubarev’s ideas. Being a *pochvennik*–*narodnik*–*slavophile*, a nationalist, and at the same time a moderate socialist allied with communists is only possible if communism/socialism is considered as a peculiarity of Russia’s history. The enemies are Western-oriented liberals. The blatant mix of nationalism, internationalism and socialism can be illustrated as a tension in what the rebels are fighting *for* and *against*. They are in Gubarev’s account fighting *against* fascism, from which they are able to muster a certain international support in the line of the Spanish Civil War. When it comes to what they are fighting *for*, then the Russian nationalist vision comes to the foreground.

10:3 Aleksey Mozgovoy

Aleksey Mozgovoy differs from his fellow combatants in his firm accentuation on social aims and social policies. He was born in Satovo, Lugansk oblast, and had a diverse pre-war record, including working an actor and a singer. He came to prominence through a series of speeches on youtube, and appeared on Russian national television. He held people's tribunal in Donetsk, made appeals to Ukrainians to join them in a common struggle, and arranged at negotiations with counterparts on the Ukrainian side on at least one occasion (Matveeva 2018: 135; 170).

10:3:1 Interview

In a lengthy interview with the Russian independent newspaper Novaya Gazeta (Kanygin 2014),¹³ Mozgovoy gave an interview briefly after the tribunals got famous, and he elaborates upon a number of themes:

[...]

Q: And what about the theory of the mob, when one person screams “Yes!” and the rest follows?

A: They are always trying to convince us that we are a mob. But we are no mob - we are a people. We have heaps of educated folks, scientists. How could this be a mob? There is an intelligentsia present here. Teachers, doctors. A mob, that is an up-rounded herd of rabble. But we are a people. And the people have the right to decide the fate of the community members. [...]

Q: You are saying “Not a mob, but a people”. And on the other side of the front?

A: The same people. Has someone stated that there are some kind of animals over there, or what?

Q: Is Maidan a mob or a people?

A: Maidan is a script. Everything that is happening within the political life in the world of today is a script. From 1917 and onwards. Was the [October] revolution staged? It was. Now all of these scripts of triggered revolutions, like the “orange”, “colour” and so on, are used in full scale.

Q: Why?

A: Business. Nothing but business. Repartition of property and influence.

Q: Are the elections of DNR and LNR also a script?

¹³ For the Russian original, see appendix 3:1.

A: If this script started with Maidan, then who told you that it ended yesterday? This script will go on for a long time yet. And it is only when people's power (*narodnaya vlast'*) will be built that you can talk of the end for all these scripted, staged shows. Until then, as long as the power will be in the hands of... not quite the people, the script will continue.

I was against the elections [in DNR and LNR]. Because it is impossible to arrange any mass event while acts of war are going on. In the same way, the elections in Ukraine should not have taken place either.

No matter how you chose to look upon it, we live in a perfectly set script. That you show up here is also a part of the script.

Q: Is the appearance of the subunit "Ghost" (*Prizrak*) also a script?

A: "Ghost" appeared contrary to all scripts. We shouldn't exist. To the surprise of everyone, we appeared.

Q: Why shouldn't you exist?

A: Because of the appearance of a certain Mozgovoy, who does not take money. And who started to act himself.

Q: Are you sure that people of importance within LNR are ready to build that type of state, the way you imagine a true people's republic?

A: I'm not sure. That's why I'd like to preserve the brigade "Ghost". [...]

Q: What is victory for you?

A: [...] Victory does not just mean that acts of war come to an end. It also means changes of the world-view and the way humans think. It is a watershed moment. Will the person continue to live within the framework that she has been pushed to, or will she set herself free from this framework?

We have now been given the chance to think. If we don't start to think and take our own decisions after all this, then this cannot be called victory. That is all the victims will be in vain.

Q: Will you give this opportunity of deciding for oneself to the people of Mariupol,¹⁴ or let's say Odessa?

A: Everyone should have this opportunity. What differs the people of Mariupol from the people of Australia? What differs the people of Lugansk and Donetsk from the people of Lvov? That the ideology is different, that there is a different

¹⁴ A Ukrainian port city located on the shores of the Azov Sea, between Crimea and the Russian border. It was under the control of the insurgents early 2014, but later the Ukraine retook the city.

language? But we need nonetheless think on the level of a free person, no matter the slave-like conditions the corrupted powers have pushed us to. [...]

It's necessary to destroy all of these stereotypes, and change the thinking a bit. I understand that we are all materialists, and that we all want to eat. But we don't live to eat, we eat to live.

Q: You want to transform people's perception of life

A: Not transform, but push them a little in a direction so that they are able to take a look around and see themselves from the side.

Q: Push them with what? A machine gun?

A: No. The machine guns have been pushing from both sides already. Is it not enough to understand that you are fighting your on reflection in the mirror? On the one side a worker, on the other side a worker, on the one side a taxi driver, on the other side a taxi driver. What are they fighting for or against? Against the oligarchs, for freedom, for a better life. The only difference is that some are told that "you are fighting for your soil", and others that "you are fighting against fascism." The precedent is already set so that none of the parties will start to think differently. Otherwise we will fight forever. [...]

(Novaya Gazeta 17/11 2014)

According to Mozgovoy, the entire Ukrainian crisis is a staged script, with the people (*narod*) involuntarily acting in what appears to be a gigantic tragedy. What is interesting is that he does not exclude the DNR or LNR from the script. The script is all about the redistributions of "property and influence", presumably between the elite ("not quite the people"), or as he states it later, the oligarchy. Moreover, he keeps a certain distance to the catchword "fascist" for the Ukrainian side by admitting it's usage to promote someone else's interest. The fight is framed as a fight with one's own reflection in the mirror, repeating the idea that Russians and Ukrainians are one and the same people. But just as with Strelkov, there is a conspiratorial and a structuralist part of this argument. The very idea that it is all decided according to a script from the outset is the conspiratorial part of it, and the claim that it is about redistribution of property and influence is the structuralist part. He is not necessary wrong on the result, but just as Strelkov, he confuses cause with effect – the redistribution of property and influence is the result of the struggle, not its cause; as ever when major social changes happen there is always power struggles, the result of which is not clear from the outset.

Nonetheless one should be careful in overestimating either side of his argument, and instead point to its ambiguity.

Mozgovoy's own struggle is framed as giving the power to the people, and he insists upon the difference between a people and a mob, something that indeed confirms his anti-elite stance. His vision is to break the bond between the structural powers – corruption, oligarchy – that enslaves the people, to break the staged script, and to impose what must be assumed to constitute a vision of true freedom, where the people decides the fate over the members of the community; here he echoes Gubarev's difference between a people and atomised individuals. The only guarantor for this is his own brigade. It seems so far to be the only thing that contradicts the determinism Mozgovoy's own vision encapsulates; his brigade appeared "contrary to all scripts", and that is because of the incorruptible Mozgovoy himself, that "does not take money". Indeed, Mozgovoy's understanding contains once again a hidden structuralist ideological interpretation, whereby what appears to be the only actor – himself – is facing the overwhelming drama played by mighty forces of influence. The means of liberation from the enslaving oligarch structures is both an armed struggle, and a fight of ideas. This means that the struggle is not just a materialistic struggle (since "we eat to live"), but also a struggle over ideas, and a victory would mean a transformation of the self-perception of the individual herself. Mozgovoy is in this sense indeed an *ideynyi chelovek*.

10:3:2 Appeal

In a video made just before the so-called second Minsk agreement in February 2015, when Strelkov had long since left for Moscow, and Gubarev had been denied running in the local elections. Mozgovoy makes an appeal in a video (Mozgovoy 2015),¹⁵ where he disqualifies the peace agreement altogether, and makes a lengthy appeal to topple the entire Ukrainian leadership, and to build a new society.

[...] [T]oday I have taken some minutes off to turn to you, simple people (*prostye liudi*) that suffers from all this [...]. We can't remain deaf towards the appeal from the people living on a territory under the fire of fascist authorities [...], a people that asks for liberation from the criminal government that with its robbery taxes, and its anti-human laws destroys the Ukrainian people, destroys the human being (*chelovek*). We are from our side ready to help our brotherly people and throw out this evil whose true face is apparent for everyone already,

¹⁵ For the Russian original, see appendix 3:2.

and everyone all over Ukraine will unite in the fight with this evil, and we are ready to liberate not just Kiev, but also the rest of Ukraine, liberate in order to build a new society. A society in which the people has the right to self-determination. Our goal is to remove big-business oligarchs who on behalf of their own interests destroy the economy of the country – oblivious to the fact that everything belongs to the people – and then to build a fair system, with equal terms, and equal opportunities for all sections of the population, mainly for the human being (*chelovek*). We appeal to all the peoples who from their fathers and grandfathers know what fascism is, to join our struggle. We call all slavs to stand shoulder to shoulder [with us] in this fight for your faith, your traditions, your history, and your invincible spirit. We appeal to all Ukrainians [...] to fight for your future, a future in which we will be a social, civil society.

We will show, that the central foundations of a human state were intentionally distorted for the sake of the oligarchs' interests. Our main goal is to create free education for all sections of the population, and not for the selected [few] (*izbrannyie*). To develop free quality healthcare for everyone – I'll underline it again, for each person (*chelovek*), and not for the selected [few] (*izbrannyie*), not for the elite. Providing our elders a worthy, social and safe old age.

And we know what needs to be done at first. For us each person is important, and we will therefore among the first steps implement a programme for Ukrainians to return to their immemorial historic native land (*rodina*). [...] For us, the principle that all natural assets and resources belong to the people is categorical. Therefore the criminal plan of circulating unreasonable fees from the oligarchs' private company will be liquidated, and the fees for municipal services will be realistic and stable. Believe me – it's realistic, it's possible. The only thing that is required is your will and your desire to do so, and it will happen. We understand particularly well each personal tragedy for those who suffered from acts of war. Therefore we are ready to build a rehabilitation centre for children exposed to acts of violence on the basis of Mezhygorie¹⁶. Each mansion, each palace that was built with money stolen from the state budget will be returned as the pioneer camps they were before. One might call them by different names – rest home for children, rest home for disabled people, boarding house (*pansiony*), but they have to belong to the people, because they

¹⁶ Ukr. *Mezhyhirya*, ousted president Yanukovich' personal residence in central Kiev.

were built on the state budget. And the state budget is the people's money. The time has come to remember that we are a people (*narod*), and only the people constitute the power. And the persons sitting in cabinets claiming to be the power, they [...] are mere bureaucrats, and only the people constitute the true power.

We are ready to build a new country, and a new social civil society, where the human being is above everything. And we know what to do, and we are already doing it. What about you?

The nature of this speech differs of course from the previous one in its monologue character, but this is not its most striking feature. Of all the excerpts from all the rebel leaders studied here, this is by far the one with the most explicit social framing. The Ukrainians are a brotherly people waiting for liberation, and they are the ones he is turning to. He revokes a kind of humanism with liberal traits; it is the individual, “the human being” but also “ordinary people” that suffer not just from the oligarchy, but also from the very war Mozgovoy himself is a participant of. Mozgovoy presents what seems to be an actual social vision, including goals for the near future (rehabilitation for children suffering from the war), and for the far future (free healthcare and education). Its image of the present is an ideological fight with fascism. Mozgovoy's social vision is however a populist one, and so far it lack a stable anchor a more profound ideological position could have entailed.

10:3:3 Mozgovoy's framing

In the fragments analysed above, Mozgovoy makes an idealized framing where he separates between the malevolent structure – the fascists/oligarchs – and the benevolent agent – the People (*narod*). What exists is a script (oligarchs and fascists), what is possible is to unite the people on both sides of the front, and what is good is people's power (*narodnaya vlast'*). As opposed to Strelkov, the distant past is not just what exists, but what is desirable, namely the Soviet Union. The recent past is equally rejectable as with Strelkov, but not so much due to Ukraine not being a part of Russia, but more due to the evaporated social welfare policies that were a part of the soviet system. The present – the possibility – is to unite workers, taxi drivers, etc. on both sides of the conflict to take up arms against their rulers. His way of understanding people (*narod*) seems to hold a more universal sense than his fellow combatants in this study. Interestingly enough, he appeals to Ukrainians as such, and not so much to the people of Donbass. In doing so, he firmly accents the social aims of his struggle,

and in the first fragment he insists upon the universality of the struggle when comparing the people of Mariupol with the people of Australia.

Ideologies of Mozgovoy

Perhaps the most striking feature with Mozgovoy's performance is indeed that he relentlessly insists upon social policies, and the more so the deeper the conflict goes. He does not mention Russia in any of the fragments quoted; instead he sees the struggle as a fight for ordinary citizens to improve their life. What goes hidden in his ideological understanding is a deep structural heritage and a sense of community that opposes the understanding of an individual in the sense of a liberal tradition, mostly apparent when he states that "the people have the right to decide the fate of the community members." There is a stroke of what could be labelled "conservative socialism" in the way Mozgovoy frames the struggle, also in his more structural interpretation of the events.

One can discern the historical dimension of interpellation (Therborn 1980: 16-17) in the hidden legacy of the Soviet Union in Mozgovoy's framing: there is an ideal of a social, civil society, and there is a harsh present reality under the rule of the elite. The social ideal consists of welfare policies (free healthcare and education) on the one hand, and popular power on the other. The framing of the present reality contains structural interpretation (the "script") of political events on the one hand, and material assets in the hands of an elite on the other. Both welfare policies and popular power goes back to ideological forms present in the Soviet Union, but so does *also* the structural interpretation; there is a tension between the ideals of the Soviet system – its partly unfulfilled promises – and the conspiratorial political legacy of a ruling Soviet elite, that in the post-soviet world also holds society's material assets.

11. Conclusions

Let us return to the theoretical framework and research questions posed in the beginning. As Bhaskar states (1997: 139), ideas are real, and they have causality. The rebels presented in this thesis did indeed provide an intricate network of ideas, framed in disparate ideological frames, and the aim of this thesis was to show these in *manifest*, *latent*, and *contradictory form*, as stated in the research question. Throughout the analysis these questions have partly been answered for each rebel, and in the following section we will look at the rebel movement in its totality.

Manifest Ideology

There is an apparent element of Russian nationalism present in the rebel's speeches, especially present with Strelkov and Gubarev. From Mozgovoy's side, we see a greater accentuation on what Laurelle (2016) would call the "red" trait, where the main goal seems to be the ousting of the oligarchy and reinstating control over education and healthcare. From Strelkov we see the longing for imperial Russia casting its shadow over the conflict. There is thus a degree of accentuation where Mozgovoy is on the left, Gubarev in the middle/right, and Strelkov on the right. There is a merge of imperialism, nationalism, traditionalism and socialism, all of them tainted by the peculiarities that the history of Russia gives them.

Laurrelle (2016) has previously paid attention to this content of the part of the Novorossiia movement, but in her view, the socialist content is analytically separated from the nationalist only in name; it is merely the anti-oligarch structure of the rebels that resembles socialism in her analysis. The speeches made by Mozgovoy indicate a more profound red trait; he accentuates welfare policies in a distinct manner, and is talking about popular power (*narodnaya vlast'*). Gubarev elaborates upon popular power as well, but does so without the social framework, instead he frames "popular" (*narodo-*) as a possibility only after the occurrence of a people (*narod*). The rebels can hardly be said to meet any criteria of being a socialist rebellion however, despite the claims of re-socialisation of private property, or the references to the Spanish civil war. The notion of the people is equally framed within Russian nationalism, as both Strelkov and Gubarev shows in their speeches.

Latent Ideology

Liedman (1980: 142) writes: "latent ideology contains sunken goods of different kinds, [...] traditions resting upon fundamentals that withered away", and it is indeed striking how the dormant ideas of the nineteenth and the twentieth century so easily could be revoked and actualised within the rebel movement. What is latent is thus a first normative assumption: there exists a *natural bond* between not just Donbass and Russia, but between all of Ukraine and Russia. A second assumption entailing the first is, as Putin said, that *the downfall of the Soviet Union was a disaster*. The downfall was the cause of a cultural rift where this bond was broken, and therefore the downfall of Soviet was also the downfall of the Russian empire. But the loss of the Soviet Union also brought along a material loss; as stated above in the historical and structural background chapter, independent Ukraine came to mean lowered life expectancy, falling GDP, and most explicitly stated in Mozgovoy's speech – property built by the state ending up in private hands. In reference to the planes Therborn (2008: 1) was talking

about, the history of the Soviet Union is indeed discernable in latent form both culturally and socio-economically. The struggle framed both in nationalistic and socialistic terms is unintelligible without this latent assumptions provided from Soviet history. The contradiction of it is that the Russian Federation the rebels so intensively are putting their hopes to indeed inherit the same vices – oligarchy and loss of welfare – from the downfall of the Soviet Union as Ukraine did.

Ideological contradictions

Eventually this leads up to apparent and stark ideological contradictions within the movement. The war in Donbass is a "dirty" war, also in an ideological sense. Russian history and the breakup of the Soviet Union left an double-edged political legacy that awoke in full vigour in the east of Ukraine in 2014. The leftist trait, expressed in different shades as moderate socialism, welfare policies and labour-supply analysis, blends with conspiratorial statements and right-wing nationalism blatantly presented as reinstating greater Russia.

There seems to be three forms of existence for these contradictions. The first one is where socialism is an element *within* nationalism, so that the national cause can facilitate for certain socialistic policies, but only within a nationalistic frame. The second one is the opposite – nationalism as an element *within* socialism, as an attempt to use the form of the nation for a socialistic content. If Strelkov and Gubarev could represent the first alternative, then Mozgovoy could represent the second. The third alternative is that there is incommensurability between a nationalist and a socialist framing, whereby they only partly contain each other. My claim is that the rebel movement in its totality shall be seen as the third alternative; there was never any unity among them, and each one of them embodied this contradiction. Had the rebellion gained strength beyond the intervention from the Russian leadership, these contradictions would probably become more apparent, but the contradictions also forced the rebels to contemplate upon ideas previously only hidden; socialists had to consider the national question, as nationalists had to consider social issues. The coexistence was made possible due to an external enemy (Ukrainians) on the one hand, and an idealised Russia on the other.

This corresponds with the historical background provided above; the downfall of the Soviet Union is at the same time the downfall of the Russian Empire. If the latter represents the cultural conditioning, the former represents the socio-economic conditioning, and they come together in the conjuncture of history. Indeed, with no Russian language being spoken, and no industries connected to the Russian Federation, there would hardly be a

rebellion to emerge in Donbass. The rebels clearly framed their struggle as a struggle for Russia, while simultaneously pursuing that they fought for social policies, and these two frames shall be seen as a precondition for the rebellion to emerge. Archer (1995: 175-179) differs between Structural Emergent Properties and Cultural Emergent Properties; whereas language, culture and identity belong to the latter, the material conditioning determined by both the ties to Russia and by the downfall of the Soviet system belongs to the former. The conclusion in regards to this is that the cultural and material conditioning is intertwined; *neither the cultural nor the material precondition would have been enough for a rebellion of this size to start*. But as shown most explicitly with Mozgovoy, the tension within the insurgency goes beyond the simple dichotomy of socialism and Russian nationalism; there is a rift between the ideals of progressive socialism and the legacy of realsocialism. This tension allows for the ideals of the October revolution and the stagnation of the late Soviet Union to merge into an ideological landscape that is at the same time progressive and reactionary.

The struggle is in one sense inscribed in what the rebellion actually achieved; their vision – what was desirable – was Novorossiia, what they achieved – what was possible – was DNR and LNR, and the real ground where their struggle stood – what existed – was the Donbass. Donbass is the content in the forms of DNR and LNR framed towards the fantasy of Novorossiia. In another time and place these questions could possibly have merged into a subsequent movement for social change beyond military conquests. But there would be no progression in Novorossiia; as Russia subsequently took control over the two breakaway republics, they dwarfed both the socio-economic and the cultural element that led to uprising in favour of geopolitics, and thus the tensions created by the downfall of the Soviet Union remains.

11:1. Concluding remarks

In this thesis, I have made the attempt to disentangle the ideological traits and to discern ideological contradictions within the rebel movement of eastern Ukraine. The result showed that the ideological position was incommensurable, and that the movement held together due to an external enemy. The limited material selected has of course provided limitations for the validity of the results, and the thesis shall be seen more as litmus test and a first attempt, than a comprehensive understanding of the rebel movement in its entirety. An examination of more material from other commanders throughout this period is indeed a welcomed task for a study, as well as further inquiries into both material and ideological aspects of the conflict in the Donbass area.

Future research could also look upon the coexistence and more importantly the interaction of political ideologies, local identities and material grievances in conflicts around the world. Such a material could provide the guidelines for political actors and policymakers when promoting and pursuing political changes in volatile geopolitical areas. When it comes to shifting ideological landscapes, another urgent field of study is the effect this type of conflict has upon the countries involved, in this case Russia and Ukraine. Since ideological contradictions in all likelihood are unavoidable also in a more stable political landscape, pursuing the mapping of the relation between ideological currents is as important in peaceful contexts as in violent ones.

References

Primary Sources

Gubarev, Pavel. 2014a, 17 June. *Ответы Павла Губарева на Вопросы Участников Соцсетей*. In *Novorossiya No 03*. Accessed 2019-05-20 at http://novopressa.ru/uploads/issues/3/3_vypusk.pdf

Gubarev, Pavel. 2014b, 19 October. *Будущее Новороссии*. In *Novorossiya. No 11*. Accessed 2019-05-20 at http://novopressa.ru/uploads/issues/11/11-y_vypusk.pdf

Kanygin, Pavel. 2014, 17 November. *Сами Себе Государство*. In *Novaya Gazeta*. Accessed 2019-05-20 at <https://www.novayagazeta.ru/articles/2014/11/17/61963-sami-sebe-gosudarstvo>

Mozgovoy, Aleksey [Алексей Мозговой - Голос Народа] (2015, 1 February). *Обращение Алексея Мозгового к Народу*. Accessed 2019-05-20 at <https://www.youtube.com/watch?v=J0tzBtsWwTE>

Strelkov, Igor [alekx] (2014a, 17 May). *Обращение Игоря Стрелкова*. Accessed 2019-05-20 at https://www.youtube.com/watch?time_continue=7&v=FSnfUkRDH_o

Strelkov, Igor. 2014b, 18 July. *Обращение министра обороны ДНР Игоря Ивановича Стрелкова к жителям Донецкой Народной Республики*. In *Novorossiya. No 06*. Accessed 2019-05-20 at <http://novopressa.ru/uploads/issues/6/6vypusk.pdf>

Secondary Sources

Anderson, Perry. 2015, July/August. "Incommensurate Russia", in *New Left review* 94: 5-43.

Archer, Margaret. 1995. *Realist Social Theory: The Morphogenetic Approach*. Cambridge: Cambridge University Press.

Bhaskar, Roy. 1997. "On the Ontological Status of Ideas", in *Journal for the Theory of Social Behaviour* 27 (2/3): 139-147.

Bryman, Alan. 2012. *Social research methods*. Oxford: Oxford University Press.

Büchner, Georg. 1993. *Complete plays, Lentz and Other Writings*. London: Penguin Books.

Charap, Samuel, and Colton, Timothy J. 2017. *Everyone Loses: The Ukraine Crisis and the Ruinous Contest for Post-Soviet Eurasia*. London: Routledge.

Cohen, Stephen. 2019. *War with Russia: from Putin and Ukraine to Trump and Russiagate*. New York: Hot Book.

Czuperski, Maksymilian., Herbst, John., Higgins, Elyot., Polyakova, Alina and Wilson, Damon. 2015 *Hiding in Plain sight: Putin's war in Ukraine*. Washington DC: Atlantic Council.

De Ploeg, Chris Kaspar. 2017. *Ukraine in the Crossfire*. Atlanta: Clarity Press.

Eagleton, Terry. 2007. *Ideology: An Introduction*. London: Verso Books.

Fjelde, Hanne. 2012. "Orsaker till Krig och Väpnade Konflikter", in *Om Krig och Fred*, ed. Aggestam, Karina and Höglund, Kristine. Lund: Studentlitteratur.

Gubarev, Pavel. 2016. *Факел Новороссии*. St. Petersburg: Piter.

Ishchenko, Volodymyr. 2017. "Far right Participation in the Ukrainian Maidan Protests: An Attempt of Systematic estimation", in *Ukraine in Crisis*, ed. Petro, Nicolai N. London: Routledge.

Johnsson, Peter. 2015. *Ukraina i Historien: Från äldsta tid till 2015*. Stockholm: Carlssons.

Kaldor, Mary. 2012. *New and Old Wars*. Polity Press: Cambridge.

Kaldor, Mary. 2013. "Identity at War", in *Global Policy* 4: 336-346.

Kalyvas, Stathis. 2006. *The Logic of Violence in Civil Wars*. New York: Cambridge.

Katchanovski, Ivan. 2016. "The Separatist War in Donbas: A Violent Break-up of Ukraine?". In *European Politics And Society* 4: 473-489.

Kolstoe, Paul. 1995. *Russians in the Former Soviet Republics*. London: Hurst & Company.

Laurelle, Marlene. 2016. "The three colors of Novorossiia, or the Russian nationalist mythmaking of the Ukrainian crisis". In *Post-Soviet Affairs*, 32 (1): 55-74.

Liedman, Sven-Eric. 1980. *Surdeg: En Personlig Bok om Idéer och Ideologier*. Stockholm: Författarförlaget.

Matveeva, Anna. 2018. *Through Times of Trouble: Conflict in Southeastern Ukraine Explained from Within*. Lanham: Lexington Books.

Mearsheimer, John. 2014, 18 August. "Why the Ukraine Crisis is the West's fault", in *Foreign Affairs*. Accessed 2019-05-20 at <https://mearsheimer.uchicago.edu/pdfs/Ukraine%20Article%20in%20Foreign%20Affairs.pdf>

OHCHR. 2019. *Report on the human rights situation in Ukraine 16 November 2018 to 15 February 2019*. Accessed 2019-05-20 at <https://www.ohchr.org/Documents/Countries/UA/ReportUkraine16Nov2018-15Feb2019.pdf>

Petro, Nicolai N. 2015. "Understanding the Other Ukraine: Identity and Allegiance in Russophone Ukraine". In *Ukraine and Russia: People, Politics, Propaganda and Perspectives*, ed. Pikulicka-Wilczewska, Agnieszka, and Sakwa, Richard. Bristol: E-International Relations.

Pogrebinsky, Mikhail. 2015. "Russians In Ukraine: Before and After Euromaidan". In *Ukraine and Russia: People, Politics, Propaganda and Perspectives*, ed. Pikulicka-Wilczewska, Agnieszka, and Sakwa, Richard. Bristol: E-International Relations.

Robinson, Paul. 2017. "Russia's Role in the War in Donbas and the Threat to European Security", in *Ukraine in Crisis*, ed. Petro, Nicolai N.. London: Routledge.

Sakwa, Richard. 2016. *Frontline Ukraine: Crisis in the Borderlands*. London: I.B. Tauris.

Sandberg, Jakob. 2018. "Krig i Kolbältet: Till Definitionen av Konflikten i Östra Ukraina", in *Röda rummet* 180-181: 18-21.

Snow, David and Benford, Robert. 1988. "Ideology, Frame Resonance, and Participant Mobilization", in *International Social Movement Research*. 1: 197-217.

Snow, David and Benford, Robert. 1992. "Master Frames and Cycles of Protest". In *Frontiers in Social Movement Theory*. New Haven: Yale University Press.

Snyder, Timothy. 2018. *The Road to Unfreedom: Russia, Europe, America*. New York: Tim Duggan Books.

Steans, Jill., Pettiford, Lloyd., Diez, Thomas., El-Anis, Imad. 2010. *An Introduction to International Relations Theory: Perspectives and Themes*. Essex: Pearson Education Limited

Strelkov, Igor. 2014c, 20 November. "Кто Ты, Стрелок", in *Zavtra*. Accessed 2019-05-20 at <http://zavtra.ru/blogs/kto-tyi-strelok>

Therborn, Göran. 1980. *The Ideology of Power and the Power of Ideology*. London: Verso Books.

Therborn, Göran. 2008. *From Marxism to Post-Marxism?* London: Verso Books.

Toal, Gerard. 2017. *Near Abroad: Putin, the West, and the Contest over Ukraine and the Caucasus*. New York: Oxford University Press.

Wilson, Andrew. 2016. "The Donbas in 2014: Explaining Civil Conflict Perhaps, but not Civil War", in *Europe-Asia Studies* 68 (4): 631-652.

World Bank. 2019. *Life Expectancy at Birth. 1960-2017*. Accessed 2019-05-20 at <https://data.worldbank.org/indicator/SP.DYN.LE00.MA.IN?locations=RU>

Zhukov, Yuri. M. 2016. “Trading hard hats for combat helmets: The economics of rebellion in eastern Ukraine”. In *Journal of Comparative Economics* 44: 1-15.

Appendix

1. Igor Strelkov

1:1 Выступление

Граждане донецкой народной республики. Обращаюсь к вам с просьбой встать на защиту своей родины, своих домов, своих семей, своего народа. Мне приходится просить вас сделать то, о чем по всем человеческим меркам просить не требуется. Ведь вставать за свое отечество и свою свободу на Руси всегда было почетным делом, на зов к которому охотно откликались испокон веков все, кто считал себя мужчинами. Тем не менее мне приходится сказать вам правду прямо в глаза, сказать жесткие, возможно даже оскорбительные для вашего достоинства слова. Уже больше месяца (прошло с тех пор), как мы, маленькая группа добровольцев из России и Украины, вняв призывам о помощи, прозвучавших из уст выдвинутых вами лидеров протеста, прибыли сюда и в вооруженной борьбе противостояем всей украинской армии и множества слетевшегося на поживу наемного отребья.

За минувший месяц мы слышали много раз отчаянный призыв: дайте нам оружие, дайте оружие, чтобы мы могли сражаться за свою свободу, за свое право читать и говорить на родном русском языке, за право почитать предков – героев Великой отечественной войны, а не прихвостней нацистских преступников. Вняв этому призыву, мы добыли оружие. Захватили на складах, отобрали у украинских военных и милиции, купили у подпольных торговцев за немислимые деньги. И вот теперь оружие у нас есть. Оно не в глубоком тылу, оно не в Донецке, Луганске или Макеевке, не в Шахтерске или в Антраците. Оно на передовом рубеже обороны – в осажденном городе Славянске, Краматорске, в Константиновке. Оно здесь, где оно и нужнее всего, здесь, где добровольцы прикрывают собой весь остальной Донбасс – и Донецк, и Луганск вместе взятые. И здесь же, под городами Славянском и Краматорском, под Красным Лиманом и Константиновкой, где расположены наши гарнизоны, киевской хунтой собраны самые боеспособные многочисленные силы. Рядом расположены две третий карателей, и штаб так называемая АТО.

И вот наступил момент, когда каждый дончанин, способный носить оружие, готовый его применить по врагам своего народа может приехать и получить оружие прямо в руки. Получить и встать в строй ополчения, чтобы изгнать карателей за пределы родной земли. Но что же мы видим? Все что угодно, но только не толпы добровольцев у ворот наших штабов. В Славянске 120 тысяч населения, вдвое больше в Краматорске, всего в Донецкой области проживают 4,5 млн человек. Да, не все из них мужчины дееспособного возраста, не все из них здоровые, не заняты важным для жизни обеспечением производства, не все могут прийти к нам по семейным и всяким иным уважительным обстоятельствам. Но, признаюсь честно, никак не ожидал, что на всю область не найдется и тысячи мужчин, готовых рисковать жизнью не у себя в городе, на соседней с домом баррикаде, откуда до ближайшего нацгвардейца надо полдня на машине ехать, а на передовой линии, где реально каждый день стреляют.

Тем не менее, это так. Чтобы не быть голословным, приведу примеры. Третьего дня приехала группа из 12 артемовских «героев», отобранных и рекомендованных весьма уважаемым человеком. Узнав, что службу придется нести непосредственно в Славянске (а не у себя в Артемовске) и что срок не ограничен несколькими днями, даже не стали получать оружие. Вчера история повторилась. Из 35 приехавших донецких «добровольцев», прослушавших звуки далекого минометного обстрела и выяснивших,

что через три дня они не смогут поехать домой вместе с полученным оружием, 25 благополучно отправились по домам... Вероятно, жаловаться на «тяжкие условия» (которых они не ощутили ни минуты) и о своем героизме, проявленном при поездке в пассажирском автобусе. И это не единственные случаи. Такое у нас происходит регулярно. Мне, еще находясь в Крыму, приходилось слышать от активистов народного движения рассказы о том, что «когда шахтеры встанут, они всех порвут голыми руками!» Что ж, может, когда-то так и было. Пока же не наблюдается.

Десятки и сотни людей встали в строй и сражаются. Десятки тысячи и сотни тысяч спокойно наблюдают за этим по телевизору, потягивая пиво. Видимо, ждут, когда из единокровной России либо выдвинется армия, способная все сделать за них, либо приедет достаточное количество безбашенных добровольцев, готовых умереть за их право жить более достойной жизнью, чем той, которой они 23 года существовали под властью украинских националистов.

Где те 27 тысяч добровольцев, о которых пишут журналисты? Не наблюдаю. Прийти домой с гордым видом и заявить восхищенным женщинам – «Я записался в ополчение!» – это все, на что они способны?

В нашем добровольческом строю все больше мужчин далеко за 40, выросших и получивших воспитание еще во времена СССР. Но совсем мало молодежи. Где они все – местные молодые и здоровые парни? Может быть, в тех бандитских «бригадах», которые, почувствовав безвластие, бросились «грабить награбленное» и беспредельничать по всем городам и весям Донетчины? Да, известия об их очередных «подвигах» доходят до нас ежедневно. И многие несостоявшиеся «ополченцы» требуют оружие, прежде всего для того, чтобы защитить от бандитов и уголовников у себя дома в собственных домах. Что ж, их желание обоснованно. Но возникает вопрос – а как командирам ополчения разобраться – кто к ним приехал за оружием? Честный гражданин или очередной бандит, красящийся под «донецкого патриота»? Ответ, который даем мы, звучит просто: «ополченцем» будет считаться только тот, кто лично, в составе боевого подразделения примет непосредственное участие в боевых действиях с войсками хунты. В том месте, и в то время, которое сочтут необходимым его командиры. Потому, что без дисциплины не будет ничего. Не только победы, но и порядка. Если каждый будет «воевать» там, где он лично захочет и столько, сколько его душе угодно, то донецкое ополчение стремительно превратится в нечто среднее между шайкой разнузданных дезертиров и бандой батьки Ангела.

Но этого не будет. Только те, кто зарекомендует себя в боях с неприятелем и в выполнении иных боевых заданий, получит право наводить порядок в собственном доме в рядах ополчения! А порядок этот мы наведем – можете не сомневаться. Пусть те, кто сегодня «ставит под крышу» магазины и предприятия, кто торгует наркотиками и просто грабит незащищенное население – все они пусть не надеются на то, что «игра пойдет по прежним правилам», а «война все спишет». «Бандитскому Донбассу» пришел конец! Новая власть предоставит всем возможность отказаться от преступного промысла, но тем, кто не захочет, будет дан достойный отпор. Такой отпор, от которого не удастся откупиться никакими деньгами. По законам военного времени.

Вернусь к главному. Донецкой земле нужны защитники, а ополчению – дисциплинированные солдаты-добровольцы. Если мужчины на это не способны, придется призвать женщин. С сегодняшнего дня я отдал приказ принимать их в ополчение.

Очень жаль, что среди женщин совсем нет офицеров. Ни действующих, ни запаса. Но какая разница, если мужчины-офицеры к нам не едут совсем? Во всей области пока не нашлось и пары десятков профессиональных военных, готовых возглавить воюющие подразделения. Стыд и срам! Две недели я прошу прислать мне начальника штаба и хотя бы пяток командиров рот и взводов. Тишина, ни одного. Ротами и взводами у

меня командуют рядовые и сержанты запаса. Некоторые – очень неплохо командуют, но чем дальше – тем больше чувствуется отсутствие нужных знаний военного дела... Что ж, научатся со временем. Но предупреждаю: ни один из так называемых «офицеров», сидящих сейчас по квартирам, как испуганные воробьи под крышей во время грозы, не вставший в ополченческий строй, никогда не будет в наших глазах не один считаться офицером! А о том, чтобы наше мнение разделяли и простые граждане, мы тоже позаботимся. Возможно, остались считанные дни до момента, когда боевые действия, текущие пока без особого ожесточения, развернутся до масштабов настоящей битвы с десятками и сотнями убитых и раненых.

Враг деморализован, но еще очень силен! У него имеются спонсоры-олигархи, готовые платить огромные деньги за каждое убийство, за каждый разрушенный дом, за каждое преступление против русского народа! Чтобы его победить, надо сражаться. Пусть те граждане, кто способен меня услышать и доказать свою преданность родной земле и своему народу, прибывают в штабы ополчения, в города Славянск, Краматорск, Красный Лиман, Константиновку, Горловку. Там назначенные мною командиры сформируют маршевые подразделения, наладят обучение и по мере готовности направят в действующую армию. И пусть она пока выглядит как небольшой и неважно организованный партизанский отряд – она сражается и победит. Дорогу осилит идущий!

С нами Бог и правда!

1:2 Пресс-конференция

И.И.Стрелков: В этот очень тяжелые для всего народа донецкой республики момент, я очень рад что нахожусь с вами и могу вместе с вами защищать вашу и нашу родину Россию которую как я верю, которая как я верю простирается от границ того государственного образования которое называется Украина и до дальнего восток[а]. Мы здесь сражаемся именно за Россию, и вновь в то время сражаемся за права народа донецкой луганской республик за то, чтобы вы сами могли выбирать себе язык культуру и образ жизни а не а их вам не навязывали откуда либо люди которые для которых ваша земля и ваше общество всего лишь является объектами для политических игр и источником различных спекуляции, люди которые находятся под внешнем управлением, и практически этого не скрывают. Против этого мы воевали, будем воевать, и надеюсь что мы будем пользоваться вашей поддержкой.

Журналист: Игорь Иванович, основной вопрос: почему был оставлен Славянск, и почему именно отвод – в Донецк и в ближайшие города?

И.И.Стрелков: Славянск с самого возникновения военных действий, с самого начала, являлся как бы щитом для Донецка. Занимая именно Славянск, мы выставляли щит, которым прикрывали всю территорию ДНР и ЛНР, принимали на себя основной удар, отвлекали силы противника, давали возможность политическому, общественному активу республик организовать и, действуя по нашему примеру, взять власть, свергнув власть хунты, не допустив ее становления, в какой-то степени. Поэтому, когда мы убедились, что данная задача выполнена, что в Донецке и Луганске, наконец-то, восстановилась власть, которая отвечала требованиям народа по созданию государственной самостоятельности, по проведению референдума, и способна создать собственные вооруженные силы, наша задача во многом была выполнена.

Естественно, что Славянск являлся и является для меня лично и для всех нас очень важным городом, городом, с которым нас сейчас очень многое связывает. Естественно, если бы у нас была возможность его удержать, мы бы его удерживали, как можно, более долго. Однако сложилась такая военная ситуация, при которой

удержание Славянска повлекло бы недопустимые жертвы среди бойцов ополчения, и само его удержание лишалось всякого стратегического и тактического смысла.

Противник сосредоточил под городом огромную артиллерийскую и бронетанковую группировку, противостоять которой без достаточного количества вооружения артиллерией, а самое главное - боеприпасов, мы бы долгое время не могли. Шаг за шагом, сдерживая противника, выигрывая день за днем, мы отходили к границам города. И в один день сложилась ситуация, когда мы поняли, что кольцо окружения замкнулось. И что тактика противника заключается не в том, чтобы нас атаковать, а в том, чтобы смешать с землей город. Просто уничтожить его артиллерией, а потом танками дожать нашу пехоту.

Мы понимали, что у нас вооружения против такой тактики, крайне недостаточно, и понимали, что несколько дней противник будет нас просто уничтожать, а мы даже не сможем нанести ему адекватных потерь. В этой ситуации было принято решение.

Решение было принято мною персонально, ни с кем я его не разделял. Я довел Военному Совету, который там действовал, о том, чтобы вывести, спасти гарнизон, спасти город от бессмысленного уничтожения. Именно бессмысленного, потому что нас бы расстреливали с расстояния, на какое мы бы не могли отвечать и использовать уже обстрелянные, имеющие боевой опыт, подразделения для дальнейшей защиты республики на новых рубежах. Тем более, как мы уже узнали во время выхода из окружения, противник в этот же день занял Артемовск. Под угрозой окружения оказались не только Славянск, но и весь район – Краматорск, Дружковка, Константиновка.

Собственно говоря, именно поэтому, поскольку противник выходил на наши коммуникации, было принято решение, оставить и все остальные города, поскольку смысла защищать эти города, находясь в условиях окружения, практически не было. Это привело бы к ненужным жертвам и ненужным разрушениям.

Журналист: Спасибо. Я считаю людей, которые остались прикрывать ваш отход, героями, и вы могли бы больше о них рассказать?

И.И.Стрелков: Осталось прикрывать отход, буквально, несколько десятков человек, причем, они выполнили свою задачу очень успешно. Большая часть из них, как я знаю, на данный момент, вышла из окружения. И сегодня успешно вышла из окружения и группа, которая прикрывала отход из Николаевки... Тринадцать бойцов успешно вышли из Николаевки на Северск, понеся минимальные потери.

Журналист: Еще вопрос... Готов ли на данный момент, город Донецк к продолжительной обороне и. в дальнейшем – к наступлению?

И.И.Стрелков: Сказать, что город готов к обороне, я не могу, хотя бы потому, что город находится, целиком, на мирном положении. Еще не проведены практически никакие оборонительные мероприятия. То, как город готовился к обороне до настоящего времени – это уровень Славянска где-то 2-месячной давности, т.е., сооруженные укрепления могут остановить БТР и что-нибудь, типа нацгвардии, или подразделения МВД. Против бронированных колонн противника, который сейчас массированно применяет танки, артиллерию, город сейчас может защищаться только с большим трудом и с жертвами ополчения. Но мы принимаем срочные меры ежедневно для того, чтобы город был готов к бою. Это с точки зрения фортификационной. С точки зрения настроения населения, конечно, видно, что дончане, живут все еще глубоко мирной жизнью. Они слабо себе представляют или не верят в то, что может произойти, что украинские карательные подразделения смогут открыть массированный артиллерийский огонь, и будут наносить массированные авиационные удары по жилым кварталам. Мы тоже в это не верили долгое время. Но за три месяца, за месяц активной осады, мы уже убедились, что противник избирает тактику, даже действия, не против наших отрядов самообороны ополчения, а террористическую тактику разрушения,

уничтожение инфраструктуры, уничтожение промышленных предприятий... В первую очередь, ударам и в Славянске, и в Краматорске подвергались не позиции ополчения, хотя они были прекрасно известны, и даже не городские кварталы, а заводы и промышленные предприятия. То есть, речь шла не о том, чтобы выбить ополченцев, из города... Речь шла о том, чтобы выбивая, максимально разрушить инфраструктуру. Оставить людей без работы. Без жилья... практически, решить задачу по склонению населения к уходу, к лишению средств к существованию даже после того, как боевые действия закончатся.

Я полагаю, что нынешние украинские руководители и их армия не остановятся перед тем, чтобы попытаться сделать то же самое с Донецком. Ни у кого не должно быть иллюзий. Даже, если мы отсюда уйдем, жителям дончанам не дадут. Так называемой, Объединенной Европе, не нужна конкуренция со стороны Донецкой промышленности. Не нужна конкуренция со стороны ученых. Здесь нужна просто территория, с которой они планируют взять несколько сот тысяч, а может, несколько миллионов рабочей силы, чтобы использовать ее в Европе. Это максимум, что они хотят. Они стараются уничтожить промышленность Донбасса, которая, во-первых, представляет собой серьезную конкуренцию европейской промышленности; во-вторых, работает вся на оборонку России. Вот это совершенно точно.

Журналист: Хватает ли у нас ополченцев, которых Павел Губарев набирал для Вас?

И.И.Стрелков: Нет, конечно же, нет. Даже для одного миллионного города, не говоря уже о всей республике, ополченцев очень мало. Территория города огромна. Территория республики, которая сейчас контролируется властями ДНР, тоже достаточно велика. Надежно контролировать и защищать ее теми силами, которые у нас имеются, не скажу, что невозможно, но в условиях колоссального перевеса противника в бронетехнике, я бы даже сказал, не перевеса, а абсолютного господства, не говоря уже о воздухе, очень сложно защищать такую территорию имеющуюся силам.

Я хотел бы еще добавить, что нельзя воевать наполовину. Нельзя рассчитывать, что кое-как, небольшими силами, небольшими средствами, кто-то там сможет защитить республику. Нужны серьезные мобилизационные мероприятия. К сожалению, ресурсов для этого, в первую очередь, в вооружении, в боеприпасах, не подготовлено. Их, на данный момент, нет. Если бы они были, мы бы без раздумий провели бы всеобщую мобилизацию. Да, пусть от нее сбежало бы 3/4 людей призывного возраста, но и оставшейся четверти хвалило бы.

К сожалению, у нас нет возможности мобилизовывать. Тем не менее, несколько тысяч добровольцев обучить, вооружить, и снарядить, мы бы могли в течение короткого времени. Я полагаю, что примерно, 80 тысяч человек было бы достаточно, чтобы окончательно и бесповоротно остановить украинскую армию, которая, в первую очередь, выигрывает за счет того, что у нас имеются значительные бреши, в обороне, и за счет своей, конечно, мобильности и имеющегося тыла.

У нас с тылом, по-прежнему, плохо. Очень слабо у нас и со снабжением. Но мы будем сражаться и будем их останавливать. Не без более активного участия населения Донбасса в обороне, выстоять будет очень сложно. Нам нужны люди. Повторяю, 8-10 тысяч человек для надежной обороны необходимо призвать в ряды ополчения – либо, чтобы ни сами пришли, или чтобы мы их призвали.

Журналист: Недостаток добровольцев конкретных специальных профессий, конкретных специальностей?

И.И.Стрелков: Нам необходимы все, все военные специальности, и в том числе, люди без военных специальностей. На войне люди обучаются в течение нескольких дней, особенно в условиях активных боевых действий. И наоборот, суперпрофессионалы,

которые никогда не воюют, зачастую, попав на фронт, под реальный огонь, оказываются никуда не годны. Это специфика военной профессии...

Повторяю, каждый мужчина должен сделать для себя выбор. Если он мужчина - он должен быть готов защищать свою Родину. Не все, конечно, способны. Это по морально-волевым качествам, далеко не все. Но, честно говоря, за 3 месяца добровольцев для многомиллионного Донбасса, для шахтерского края, где люди привыкли к тяжелой и опасной работе, как-то очень мало. Хотелось бы сказать, то многие, готовы, видно, были бы вступить в ополчение, если бы была гарантия для семей. Сейчас эта гарантия будет. Начиная с этого месяца, ополченцам планируется выплачивать достаточно серьезные, по местным меркам, суммы (от 5 до 7 тыс. грн) Мы планируем с июля месяца внести оплату. Возможно, это поможет людям, которые сейчас колеблются, все-таки, найти в себе силы и стать в строй. Т.е., мы будем создавать контрактную армию.

Журналист: Хотелось бы, чтобы действовал единый военный координационный центр или комендатура...

И.И.Стрелков: Процесс формирования регулярной армии из партизанских отрядов, не простой. Эта задача для нас приоритетна. И мы ее решаем...

2 Pavel Gubarev

2:1 Ответы Павла Губарева на Вопросы Участников Соцсетей

Вопрос: Поясните же наконец, знакомы ли вы с Николаем Левченко? Если да, то что вас объединяет?

Ответ: Знаком с 2004 года. Мерзавец, интриган и подонок, продавший идею и ставший простой и банальной олигархической шестеркой. Некоторые люди считают его умным, но мне непонятно где этот человек проявил свой ум... В разворывании бюджета? В фальсификации выборов? В фабрикации уголовных дел? В лизании ахметовского зада? Да! Кроме всего этого, ещё 28 февраля он угрожал нам расправой, если мы "полезем на ОГА". Но мы не испугались, не дрогнули. А вот как Левченко будет с этим жить это большой вопрос.

Вопрос: Павел! Что, всё??? Будете договариваться с убийцами? Российские Каналы уже не те! Ощущение предательства!

Ответ: Не всё, только начало. Договариваться с этими фашистами невозможно. Мы будем сражаться независимо от позиций российских каналов и антипутинской либеральной вороватой слизи. Путин сказал "Новороссия", значит будет Новороссия. Без паники.

Вопрос: Знакомы ли вы со Стрелком? Как близко? Что вы можете сказать об этом человеке?

Ответ: Познакомился в Славянске в день своего освобождения. Обстоятельно мы общались только раз, дальнейшее же общение носит скорее оперативный характер. Собрав свои впечатления, а также мнения о нем людей, знавших его лично, могу сказать, что Стрелок идеалист, бессеребреник, настоящий патриот, любящий Россию и русское всей душой. Он профессиональный военный, побывавший во многих горячих точках, где Запад воевал против Русского Мира. Масштаб его мышления позволяет говорить о нем как о нашем новороссийском Гарибальди. И ещё он скромнен. Я ОЧЕНЬ уважаю Игоря Ивановича.

Вопрос: Ваша партия будет открывать отделения в РФ? Спрашиваю, так как хотел бы вступить к вам.

Ответ: Наша партия в РФ будет, её возглавят наши соратники из России, которые всеми силами сегодня помогают Русской весне.

Вопрос: Павел, у меня вопрос, много ли шахтеров участвуют в ополчении? А то как не посмотришь СМИ, то они касками стучат-бастуют, то под землю опять спускаются!

Ответ: Пока полной статистики по профессиям ополченцев у меня нет. Могу перечислить только тех, кого встречал: шахтеры, металлурги, механики, таксисты, железнодорожники, строители, инженеры, юристы, рекламщики, предприниматели... Также встречал парикмахера, директора ночного клуба, художника тату салона. Вот так вот. Это восставший против фашистской хунты народ.

Вопрос: Проханов на России-24 сказал, что на Донбассе по сути создаются интербригады для борьбы с фашизмом по аналогии с Испанией 36 года. Говорит, что у вас даже баски воюют с хунтой. Это так или все же художественный образ такой?

Ответ: Это действительно так. И образно это тоже так (образность и красота речи Проханова лично мне очень по душе).

Вопрос: Я коммунист. Считаете ли вы меня, как коммуниста своим врагом?

Ответ: А я патриот-почвенник, славянофил-народник и умеренный социалист. Мои враги - это либералы-западники. Так что коммунисты - это союзники. Рот фронт.

Вопрос: Сейчас конечно из-за войны многие процессы создания системы новой республики тормозятся, но откладывать тоже нельзя, иначе процесс станет не управляемым, они же все с оружием - и самооборона и милиция... а вот кто ими управляет? это люди преданные ДНР или ... кому война, а кому мать родна?

Ответ: Я не вхожу в правительство ДНР. Но отмечу, что построение новой государственности в условиях военного времени - весьма сложная задача. Поэтому призываю людей отнестись с пониманием к этим процессам.

Вопрос: Расскажите о правительстве ДНР. Есть ли там достойные люди? Пушилин, Бородай, Пургин - кто они?

Ответ: Правительству нужно помогать, а не критиковать и устраивать интриги. Это мое глубокое убеждение. По Денису Пушилину не могу сказать ничего. Я его не знал и сейчас качество взаимодействия и общения у нас очень низкое. Факт его участия в мавродиевской финансовой пирамиде МММ меня настораживает, но решающей роли в оценке его личности не играет. Надеюсь, что мы с ним поладим. Он много сделал для ДНР. По Андрею Пургину. Я знаю этого человека 10 лет. Честный, умный, скромный и очень идейный. Мы с ним союзники и товарищи. По Александру Бородаю. Это очень достойный человек, который приехал нам помочь. И помогает он нам, сжигая самого себя: он работает на благо Республики практически круглосуточно. С ним несколько его соратников, которые тоже очень помогают. Мы им всем очень благодарны за всё, что они делают для нас.

Вопрос: Павел, нас обманули? Со слов Царёва мы будем федерацией в составе Украины. Мы все шли на референдум только потому, что нам обещали 18 мая референдум о присоединении к РФ. Царёв власть не отдаст. Мы в шоке.

Ответ: Никто никого не обманывал. А этот вопрос адресован скорее Олегу Царёву, а не мне.

Вопрос: Павел, когда придет помощь с России? Неужто Путин предал?

Ответ: Запомните одно: русские своих в беде не бросают. А Путин - это настоящий русский патриот.

Вопрос: Почему 270 000 шахтеров не встали в строй, а страшат хунту своими забастовками??? Почему Вы не вооружаете свой народ для защиты своей Земли??

Ответ: Желających попасть в ополчение сегодня больше, чем оружия. Вооружаем по мере сил и возможностей.

Вопрос: Так понимаю, что милиция и военные всех мастей, чиновники получают зарплату из Киева. Кто платит, на того и работают. Какие есть шансы финансирования этой категории из бюджета ДНР и ЛНР? Что с формированием собственных ВС? Когда будут выдворены украинские пограничники и открыта граница с РФ?

Ответ: Вопросы налогообложения и бюджетирования начинаются с создания независимой банковской системы. Насколько мне известно, это первоочередная задача, над которой сейчас работает правительство под руководством Александра Бородаю.

Вопрос: Павел, здравствуйте. Скажите пожалуйста, если можно честно, Вы доверяете правительству ДНР, Пушилину, Ходаковскому и Бородаю.

Ответ: По персоналиям о Пушилине и Бородае читайте выше. Ходаковский воюет, идет в бой впереди своих солдат. Ничего плохого о нем сказать не могу, хорошего могу сказать много. Побольше бы нам таких офицеров.

Вопрос: Павел, Вы говорите о партии Новороссии ... Но партия начинается с Устава, за которым следует Программа. Есть ли такие основополагающие документы? Где можно с ними ознакомиться?

Ответ: Да, конечно. Смотрите: novorossia.co или novorossia.su/node/1753

Вопрос: Каковы планы у Новороссии? Вступать в РФ или остаться независимым государством?

Ответ: Сначала должна состояться государственность Новороссии. Мы должны укрепить и расширить подконтрольное нам пространство. Делать это сейчас приходится силой оружия и ценой многих жизней. Когда завоюем свою независимую Новороссию, тогда народ и решит, что дальше, решит на референдуме.

Вопрос: Вы верите в Бога?

Ответ: Я не религиозный человек, но очень верующий. Называю себя культурным православным. Иконы, церкви, купола, батюшки - это всё моё, родное, но чисто на культурном уровне. В Донбассе не дают в семьях религиозное воспитание, поэтому так получилось... После освобождения я попал в Славянск и находился в атмосфере подлинного военного братства. Я чувствовал высокий почти религиозный настрой этих людей. Я разговаривал с ними. Они сражаются не за децентрализацию, не за федерализацию, не за бюджетную автономию. Они бьются за высокие смыслы, за настоящее православно-славянское дело, которое воплощается в идее Новороссии. На нас смотрит не только весь русский мир, на нас смотрит вся планета, потому что мы меняем мир, мы создаем новый полюс силы. Потом народится и третий, и четвертый, и пятый полюса и этот мир будет справедливей. Потому что справедливость у нас в генах, она у нас в сердце.

Вопрос: Что ты ждёшь от российской власти и от российского общества?

Ответ: От российской власти я жду дальнейшего усиления давления на Киев и на тех, кто покрывает, поддерживает и спонсирует карательную операцию против населения Донбасса. Я также жду прорыва информационной блокады. Организацию вещания российских каналов на всей территории будущей Новороссии. Конечно, мы ждём поддержки нашим беженцам, находящимся сейчас в России. Но главную помощь народному ополчению оказывают русские добровольцы, прибывшие сюда со всех уголков необъятной России. Мы не Киев, мы не используем наемников. Мы экипируем и дадим оружие любому, кто вольется в наши ряды и даст присягу ДНР.

2:2 Будущее Новороссии

Новороссия как смысл, как идея социально справедливого, социально ориентированного государства, русского государства, идея, наполненная смыслом, большим смыслом, смыслом Русского мира, смыслом народовластия, смыслом

социальной справедливости – это завершённый проект государства, ради которого можно и умереть. Это большая честь для каждого человека, который взял оружие, именно во имя великой идеи Новороссии. Идеи удельных княжеств ДНР, ЛНР, ЗНР – они не завершённые, они в чем-то ущербные. Нельзя забывать о большом смысле Новороссии.

Большая Новороссия, социально ориентированная, с истинным народовластием – вот наша цель.

НОВОРОССИЯ И РУССКИЙ МИР

Самым важным, самым большим смыслом, в который мы вкладываем все наши усилия, является Русский мир. Русский мир, который мы понимаем как русское пространство, как русскую цивилизацию, как общность людей на основе русской культуры, языка, традиций, ценностей. Именно в большом цивилизационном понимании. Русский мир как цивилизационное пространство. Русский мир как систему ценностей. Русский мир как агломерацию, охватывающую практически треть миллиарда населения планеты Земля. Каждого 20-го жителя планеты Земля, который говорит и думает на русском языке и который считает Россию своей родиной и государством, без которого он не может существовать. Это касается не только русского народа. Это касается всех этнических меньшинств России, существование которых без России находится под большим вопросом. Это народы, которые настроены дружелюбно к России, которые считают ее центром силы и строят свою жизнь с опорой на этот цивилизационный центр. С практической точки зрения Русский мир означает, что мы, Новороссия, будем стараться интегрироваться в Евразийский союз, в Таможенный союз, в Организацию Договора о коллективной безопасности, строить и выстраивать тесные политические, экономические, социальные, культурные взаимоотношения с нашим братским государством, с нашим братским народом.

НАРОДОВЛАСТИЕ

Следующим большим программным пластом является народовластие. Мы говорим о том, что народ нужно наделить реальной властью. А наделить реальной властью – значит наделить его реальной ответственностью. Мы видим это как целый спектр действий, которые необходимо реализовать в правительстве, реализовать во власти. Нужно уходить от парадигмы власти как инструмента перераспределения ресурса. Нужно уйти от этого. Некоторые говорят: «Это утопия, это невозможно. Все люди, которые приходят к власти, начинают бороться за ресурс». Отчасти так, но это и наша вина. Ведь, как говорили древние, каждый народ заслуживает своего правителя, и без появления у народа политической субъектности – да давайте скажем прямо – без появления народа никакое народовластие невозможно. И источник народовластия может быть только один – народ. Народовластие возможно лишь там, где есть народ. Там, где нет народа, а есть атомизированная масса всяких там индивидуалистов-одинок, возможна только демократия как симулятор народовластия. Где на выборах побеждает картинка, где на выборах побеждает тот, кто больше «навешал лапши» простым людям, который придумал самые креативные лозунги, который пообещал больше всех, который заставил людей поверить, что он стабильность принесет. Такая манипуляция возможна лишь там, где нет народа. Там, где появляется народ, а сегодня в войне появляется народ, там должно появиться народовластие. Народовластие именно как система ответственности каждого человека за свой выбор. Для этого выбор и выборность человека на ту или иную должность должна строиться снизу вверх. И для этого власть нужно делегировать на места. Люди, будучи народом, должны понимать и нести ответственность за каждую копейку налога, которую отдают государству, и контролировать ее. Это возможно, на мой взгляд, только при наделении субъектов

местного самоуправления основной полнотой власти.

3 Aleksey Mozgovoy

3:1 Новая Газета

О суде

— Народные суды ничем не хуже обычных. Единственное, чего они не предусматривают, — это коррупционную составляющую. Попробуй заплати всем двумстам «присяжным», которые сидят в зале, когда ты даже не знаешь, кто придет. Суд присяжных — это практически тот же народный суд, который у нас был. Но только присяжных заседателей намного меньше, ими можно манипулировать как угодно.

А как же теория толпы, когда один человек кричит «да» и многие за ним следуют?

Нас почему-то все время хотят убедить в том, что мы есть толпа. Но мы ведь не толпа, мы народ. У нас масса образованнейших людей, научных деятелей. Ну какая же это толпа? У нас интеллигенция присутствует. Учителя, врачи. Какая же это толпа? Толпа — это согнанное в стадо быдло. А мы же народ. Народ имеет право вершить судьбы членов общества.

Как долго будут продолжаться такие народные суды?

Ну начнем с того, что это был первый суд. Показательный. Надо было понять, как на это все отреагирует общество, как себя поведут люди во время этого процесса. Исходя из того материала, который был наработан во время проведения суда и после, надо формировать что-то похожее на тот суд, к которому все привыкли. Ну и еще раз повторяю: без составляющей коррупционной.

Что такое проблемы с нравственностью в целом? Каковы симптомы?

Те же молодые девушки, которым рожать необходимо детей, чтобы демографического кризиса не было, вместо этого гробят свой организм. Ведь почему в старину вообще запрещалось за стол садиться девушке? Потому что она прежде всего мать. Но какая из нее будет мать, если она угробила свой организм алкоголем, а сейчас еще и наркотиками?

Человека, которого народный суд приговорил к смерти, казнили?

Нет. Он продолжает жить в заключении.

Назначена дата его казни?

Нет.

Почему?

Потому что ожидание смерти хуже самой смерти. Одиночная камера — она еще больше убивает человека, чем пуля.

Казнь будет?

Не знаю. Это был суд предварительный. Суд проводился не столько для того, чтобы узнать, расстреливать ли человека, сколько для того, чтобы понять, какие проблемы, какие тонкости сейчас в обществе происходят, над чем необходимо работать.

А уголовное дело было?

Конечно. Как можно без уголовного дела судить? Необходимо на что-то опираться. Потому и возникла идея сделать народный суд. Потому что просто так расстрелять за углом человека — это не в наших правилах. Даже если преступнику присуждается смертная казнь, еще не факт, что она будет выполнена через день, правильно? Необходимо дать время на апелляцию.

А есть ли у обвиняемых адвокаты или защитники?

А адвокаты — те же, кто судит, — народ. Если общество оправдает, мы откроем двери, и они пойдут жить в это общество.

Вам не кажется, что это очень похоже на самую древнюю форму судов?

А кто сказал, что самая древняя форма судов — самая плохая?

В процессе совершенствования общественных отношений суд изменился...

Да, правильно вы сказали — были первые суды. Но так ведь и у нас был первый суд. У нас нет своего законодательства, нет Уголовного кодекса — от чего отталкиваться? Мы пытаемся создать народную республику, а не какую-нибудь денежно-политически-коррупционную.

Население поддерживает такую форму правосудия?

Ее поддерживают во всем мире. На самом деле справедливости хотят все. Но справедливость — штука жестокая. Она не должна быть в розовых бантиках, как бы кому ни хотелось.

Вы говорите: не толпа, а народ. А по ту сторону фронта?

Такой же народ. Кто-нибудь предоставил факты наличия там зверя какого-нибудь?

Майдан: толпа или народ?

Майдан — это сценарий. Все, что происходит в политической жизни сегодняшнего мира, — это сценарии. Начиная с 1917 года. Революция была срежиссированна? Была. Сейчас эти сценарии раскачек революций: «оранжевых», «цветных» и всех прочих — используются в полной мере.

Зачем?

Бизнес. Всего лишь бизнес. Передел собственности и влияния.

Выборы в ДНР и ЛНР — это сценарий?

Если этот сценарий начался с Майдана, кто вам сказал, что он закончился вчера? Этот сценарий будет длиться еще долго. И вот только когда действительно будет построена народная власть, тогда только можно будет говорить об окончании всех этих сценарных, постановочных спектаклей. До тех пор, пока власть будет в руках... не совсем народа, сценарий будет продолжаться.

Я был против выборов. Потому что невозможно во время боевых действий проводить какие-либо массовые мероприятия. Точно так же нельзя было проводить и в Украине выборы.

Как ни крути, но мы живем по заведомо изложенному сценарию. Ваше появление здесь — это тоже сценарий.

Появление подразделения «Призрак» — это тоже сценарий?

Бригада «Призрак» пошла вразлом со всеми сценариями. Нас не должно было быть. На удивление всем мы возникли.

Почему вас не должно было быть?

Потому что возник такой Мозговой, который денег не берет. И сам по себе начал что-то делать.

Денег не берет от кого?

В том-то и дело, что ни от кого.

На что же вы тогда все это делаете?

На помощь таких же граждан, как и мы. Вот и все. Представляете, как это бьет по сценаристам? Вы даже себе не представляете.

Это даже по мне бьет. Я пытаюсь уловить какую-то логику в происходящем.

А логика следующая. Мы пошли наперекор всем логическим вещам, которые нам предлагали.

А что предлагали?

Предлагали даже деньги, и немалые. Меня сейчас обвиняют за то, что я вышел из Лисичанска и якобы взял за это деньги у Коломойского (*олигарх, губернатор*

Днепропетровской области. — **З. Б.**) Ну это чистой воды выдумка. Такая, что ни в какие рамки. Необходимо облить грязью, вот и обливают.

Когда мы уже были здесь, нам предлагали определенные суммы, чтобы мы немножко успокоились. Несколько недель назад у нас были представители министерства обороны ЛНР, которые предлагали нам тоже полное обеспечение, но с условием, что мы вливаемся в армию ЛНР. На что у нас ответ был следующий: мы и так в армии ЛНР, готовы сотрудничать и выполнять все приказания министра, но при условии сохранения целостности бригады. Но не желают люди, чтобы оставалась бригада «Призрак» отдельным, целостным подразделением, — нас хотят разбить, раздробить и нами дополнить другие подразделения.

Зачем?

Политика — штука тонкая. А особенно когда политика завязана на деньгах. А мы выступаем всегда против того, чтобы бизнес был в политике.

Может быть, от вас хотят избавиться так же, как от Стрелкова и Безлера? В чьих это интересах?

В интересах тех людей, которые хотят оставить свой бизнес при власти и вообще хотят оставить свой бизнес при себе, при карманчике.

То есть это не Россия?

Нет, конечно. Здесь местных идиотов хватает.

Вы уверены, что люди, которые имеют вес в ЛНР, готовы строить точно такое же государство, какой вам представляется настоящая народная республика?

Не уверен. Поэтому я и хочу сохранить бригаду «Призрак».

Но не может же в том же Алчевске вечно сохраняться военная власть?

Так здесь и нет военной власти. Вы ее видели на улице — военную власть?

Любой человек с автоматом является военной властью.

Да, может быть, передвигается по городу — но это еще не власть. Власть в городе Алчевске кому принадлежала, тому и принадлежит. А мы просто войсковое подразделение, стоящее здесь на гарнизонной службе.

Если то, что будет строить на подконтрольных территориях ЛНР, не будет народной властью, что вы будете делать?

За все время существования правительства ЛНР в тех населенных пунктах, где находятся какие-либо гарнизоны — не только наши, но и других подразделений, — представителей от правительства ЛНР до сих пор никто еще не видел.

ЛНР вообще существует, в таком случае?

Да.

В виде небольшой надстроечки, которая сидит в Луганске в облминистрации?

Ну как-то так, да. И комендатур, которые от них существуют в городах.

То есть государства еще нет на данный момент?

Есть. Я есть — значит, есть государство. Государство — это не только правительство, государство — это мы все. А правительство — это всего лишь правительство.

Чем должна закончиться эта война?

Победой! А чем обычно войны заканчиваются?

Что для вас победа?

Победа — это то, после чего заканчиваются боевые действия, одна из сторон капитулирует перед другой стороной, и на освобожденной территории устанавливается именно та власть, которая и шла до победного. То есть народная.

Минские соглашения — это капитуляция одной из сторон?

Я Минские соглашения вообще не воспринимаю как серьезные. Они не были подписаны действительной властью. Точно так же могли бы встретиться два комбайнера и два шахтера и принять «минское соглашение».

Победа заключается не только в окончании боевых действий. Это еще и изменения

мировоззрения и мысли человека. Это переломный момент. Продолжит человек жить в тех рамках, в которые его загнали, или он освободится от этих рамок? Нам сейчас дан шанс начать мыслить. Если мы и после всего этого не станем думать и принимать сами за себя какие-либо решения, то это победой нельзя будет назвать. То есть все эти жертвы будут зря.

Вы дадите эту возможность — принимать самим за себя решения — людям в Мариуполе или, скажем, в Одессе?

Эта возможность должна быть у всех. Чем люди в Мариуполе отличаются от людей в Австралии? Чем люди в Донецке или в Луганске отличаются от людей во Львове? Тем, что идеология другая, язык другой? Но мыслить-то мы должны все равно на уровне человека свободного, независимо от рабских условий, в которые нас загнала коррупционная власть.

Если Мариуполь или Одесса скажут: мы не хотим в Новороссию, мы хотим оставаться в Украине, что будет?

Да не хотят они оставаться в Украине, я-то прекрасно знаю эту ситуацию! Люди видят, что происходит в Донецке и Луганске, они видят, что такое война. А что произошло с этими городами? Мы опять упираемся в материализм. Ну дома разрушили. И что?

Необходимо ломать все эти стереотипы и менять немножко мышление. Я понимаю, что мы все материалисты, что нам всем кушать хочется. Но мы живем не для того, чтобы кушать, мы кушаем для того, чтобы жить.

Вы хотите перевернуть представление людей о жизни?

Не перевернуть, но хотя бы подтолкнуть к тому, чтобы человек немножко оглянулся и посмотрел на себя со стороны.

Чем подтолкнуть? Автоматом?

Нет. Уже и так автоматы столкнулись с одной и с другой стороны. Этого мало, чтобы понять, что с тобой бьется зеркальное отражение? С одной стороны рабочий, с другой стороны рабочий. С одной стороны таксист, с другой стороны таксист. За что они бьются или против чего? Против олигархов, за свободу, за улучшение жизни. Только одним говорят: «Вы бьетесь за свою землю», а другим: «Вы бьетесь против фашизма». Уже создан прецедент для того, чтобы и одни и другие задумались хоть над чем-нибудь. Иначе мы будем драться до бесконечности.

Если рассуждать по этой логике, победа — это когда обе стороны сложили оружие.

Если они его сложили просто так, бездумно, то завтра они его могут опять взять. Победа будет тогда, когда каждый поймет, за что и почему.

А если не поймут?

А если не поймут, будем драться до конца. До победного. Победа — штука странная, она у каждого своя, как и правда.

3:2 Выступление

Здравствуйтесь. Я Мозговой Алексей, командир бригады Призрак. Прежде всего, хочу опровергнуть некоторые слухи, распространяемые украинскими СМИ по поводу оставления нашей бригадой позиции на фронте. Полная чушь. Такая же полная чушь, как те потери, которые озвучиваются. Мы как стояли на своих позициях так и стоим, продвигаемся вперед.

Но сегодня я выделил несколько минут для того, чтобы обратиться к вам, к простым людям, которые от всего этого происходящего страдают, потому что все этого заходит всё дальше и дальше в тупик. Скажем так, гордиев узел затягивается который пришло время разрубить. Сегодня когда для всех очевидно формальность и даже прямо скажем

фальшивость всех заключаемых перемирий, мы не можем дальше вести партизанскую войну. Мы не можем оставаться глухими к обращениям народа, территория которого находится под огнем фашистской власти во главе с Яценюком, Порошенко, Турчиновым, Коломойским, народа который просит освобождения от преступной власти, которая своими грабительскими налогами, своими анти-человеческими законами уничтожает украинский народ, уничтожает человека. Со своей стороны мы готовы помочь нашему братскому народу, скинуть это зло, истинное лицо которого уже всем очевидно, зло на борьбу с которым объединяются все люди по всей Украине, и мы готовы освободить от этого зла не только Киев но и остальную Украину, освободить для строительства нового общества. Общество, в котором народ имеет право на самоопределение. Наша цель – убрать олигархов большого бизнеса, которые разрушает экономику страны в своих интересах, забывая что всё принадлежит народу, и построить справедливую систему, с созданием равных условий, и равных возможностей для всех слоев населения, в первую очередь для человека. Мы призываем все народы, которые знают, что такое фашизм от своих дедов и отцов, присоединиться к нашей борьбе. Мы призываем всех славян встать с нами плечо к плечу в этой борьбе за свою веру, свои традиции, свою историю, и свой непобедимый дух. Мы призываем всех украинцев, которые осознали что такое фашизм отдельных личностей в нынешней власти на борьбу за свое будущее, за будущее в котором мы будем социальным, гражданским обществом.

Мы докажем, что те ключевые основы государства для человека были умышленно искажены ради преступных интересов олигархов. Наша основная цель – создание бесплатного образования для всех слоев населения, а не для избранных; развитие бесплатной качественной медицины для всех – еще раз подчеркиваю – для всех, для каждого человека, а не для избранных, не для элиты; обеспечение нашим старикам достойной социально защищенной старости.

И мы знаем что нужно делать в первую очередь. Для нас важна каждая личность, и поэтому в числе первых шагов будет реализована программа возвращения украинцев на исконно историческую родину. Возвращение домой тех людей, которые в данный момент вынуждены народиться в роли беженцев. Для нас безапелляционным является принцип принадлежности всех недр, всех ресурсов народу. Поэтому преступная схема накручивания непомерных тарифов частными энергетическими компаниями, принадлежащими олигархам, будет ликвидирована и тарифы на коммунальные услуги станут реальными и стабильными. Поверьте мне – это возможно, это реально. Необходимо только желание это сделать, и воля ваша, и это будет. Для нас особенно понятно каждая личная трагедия людей пострадавших от боевых действий. Поэтому мы готовы сделать на базе Межигорья центр реабилитации для детей подвергшихся насилию. А так же каждый особняк, каждый дворец который был построен на разворованные бюджетные деньги вернут государству в качестве тех же пионерских лагерей, которые были раньше. Называть их можно по-разному – дома отдыха для детей, дома отдыха для инвалидов, пансионаты, и так далее и так далее, но они должны принадлежать народу, потому что построены они за счёт бюджета государства. А бюджет государства, это деньги народа. Пришло время вспомнить о том что мы народ, и только народ является властью. А те личности сидящие в кабинетах и говорят что власть - это они, они всего лишь исполняющие обязанности, исполняющие те обязанности которыми мы их наделили во время выборов, перед выборами. Они всего лишь чиновники, и только народ является истинной властью.

Мы способны построить новую страну, и новое социальное гражданское общество, где человек превыше всего. И мы знаем что нужно делать в первую очередь, и мы уже делаем. А ты?